

Харро фон Зенгер

Том

1

1-18

С
Т
Р
А
Н
А
Г
Е
М
Ы

Китайское искусство жить и выживать

Харро фон Зенгер
Стратегемы 1-18.
Китайское искусство
жить и выживать. Том 1
Серия «Подарочные издания.
Коллекция классики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68676967

Стратегемы. Китайское искусство жить и выживать. Том 1. 1–18:

Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-178957-2

Аннотация

Современная психология пришла к заключению, что взаимоотношения людей на всех уровнях являются определенными игровыми системами со своими правилами и особенностями. То, что названо играми, еще за несколько столетий до начала нашей эры было достоянием китайской культуры общения. Стратегемность мышления и поведения – а именно это понятие эквивалентно понятию игры – относится к характерным особенностям именно китайской цивилизации. В наибольшей степени понятие стратегемы сходно

с понятием алгоритма в математике. А если не сравнивать с математикой, то стратагема означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка, хитрость. Стратагеми составляли не только полководцы. Политические учителя и наставники царей были искусны в управлении гражданским обществом и в дипломатии. В Китае за несколько столетий до нашей эры выработка стратегических планов – стратагем – вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями. Стратагеми стали секретным национальным достоянием. Их открытие признано одним из серьезных достижений академической востоковедной науки в нашей стране.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Стратегематика – наука точная	6
К русскому читателю	68
Пролог	72
Стратегема открытых городских ворот	72
Приобретение наложницы путем измерения земли	78
Введение	80
Как было найдено слово	80
Тридцать шесть стратегем почтенного господина Тана	87
Тысячелетняя кристаллизация	91
Расцвет китайской литературы о стратегемах	95
Мир стратегем	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Харро фон Зенгер
Стратегемы 1–18.
Китайское искусство
жить и выживать. Том 1

HARRO VON SENGER
STRATEGEME
BAND I

1999 by SCHERZ VERLAG, Bern, Munich, Wien

© Перевод на русский язык А.В. Дыбо, 1995, 2004, 2014,
2023 (Стратегемы 1–18)

© Вступительная статья и комментарии, В.С. Мясников,
2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2023

Стратегематика – наука точная

*Возможно, самым поразительным
качеством китайцев является —
за неимением другого подходящего слова —
хитрость, лукавство, умение быть себе на уме.*

Линь Юйтан¹

В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Дума» (1839 г.) есть строки:

¹ *Линь Юйтан* (1895–1976) – знаменитый китайский писатель и общественный деятель. Автор книг «Моя страна и мой народ», «Искусство жить», «Мгновение в Пекине», «И смех, и слезы», «Веселый гений. Жизнеописание Су Дунпо».

Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Никому не нравится быть обманутым². Моральный, а порой и материальный ущерб запоминается надолго. Причем моральный урон в большинстве случаев переживается сильнее, унижение и разочарование вызывают негативные эмоции³. Обман обычно воспринимается как свидетельство моральной нечистоплотности некоего лица, его хитрости, которая, как утверждал один из наших классиков, всего-навсего «низшее проявление ума». Исключением явился лишь влюбленный поэт, воскликнувший, что он «сам обманываться рад», тем более когда его герой философски утверждал, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Но представьте себе, что вы проиграли партию в шахматы или в шашки, причем, может быть, не одну, а несколько подряд. Вы ведь не заявите, что вас обманули, вы признаете, что противник сильнее вас, он владеет не только правилами игры, но ее сутью, тонкостями, стратегическим видением и тактическими ловушками. Все это – достоинства игроков

² Обмануть, обманывать – лгать словом или делом, вводить кого-либо в заблуждение, уверять в небыли, притворяться, принимать или подавать ложный вид, провести кого-либо, надуть, объехать на кривой, плутовать, мошенничать // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., «Универс», 1994. С. 1532.

³ См.: Далай-Лама, Пол Экман. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия. СПб., «Питер», 2011. Раздел «Как мы переживаем эмоции». С. 67–110.

высшего класса, гроссмейстеров. Их превосходство вы признаете без обиды.

Теперь, отбросив эмоции, допустим, что в жизни взаимоотношения людей на всех уровнях являются определенными игровыми системами со своими правилами и особенностями. Это не плод нашей фантазии, к этому заключению относительно недавно пришла современная психология. Родились понятия: трансакция – единица общения; процедуры, ритуалы и времяпрепровождения – простейшие формы общественной деятельности. Наконец, было сформулировано определение игр. «Игррой мы называем, – пишет выдающийся американский психолог Эрик Берн, – серию следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных трансакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох. Игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений, на наш взгляд, двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша. Процедуры бывают успешными, ритуалы эффективными, а времяпрепровождение – выгодным. Но все они по своей сути чистосердечны (не содержат «задней мысли»). Они могут содержать элемент соревнования, но не конфликта, а их исход может быть неожиданным, но никогда – драматичным. Игры, напротив, могут

быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом»⁴.

Блестящие открытия современных психологов страдают одним, отнюдь не умаляющим их значения недостатком: нынешние последователи Карла Юнга и не подозревали, что они описали явление, бывшее в течение тысяч лет достоянием китайской культуры общения. То, что ныне названо «играми», еще за несколько столетий до начала нашей эры было разработано и внедрено в повседневную жизнь в системе ценностей китайской цивилизации. Причем я хочу подчеркнуть, что стратагемность мышления и поведения – а именно это понятие эквивалентно понятию игры – относится к характерным особенностям именно китайской цивилизации, к достижениям ее философской и политической мысли. Этот феномен, внедренный в общественное сознание, с веками, перейдя национальные границы, отразился и на политической и общественной культуре таких восточно-азиатских стран, как Япония, Корея, Вьетнам. И только теперь начинают соединяться традиционные китайские научные представления о человеке и его возможностях с данными европейской науки, которые весьма точно отразили суть философии непрямых действий⁵, именуемой стратагемным

⁴ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Пер. с англ. М., «Прогресс», 1988. С. 37.

⁵ Гарт Б. Л. Стратегия непрямых действий. М., «Эксмо», 2008.

мышлением.

«Стратагемы являлись как бы синтезом результатов оценки ситуации и специфического приема, выработанного теорией для аналогичной обстановки. Содержание стратагемы раскрывалось и осуществлялось на практике через сумму специальных постановлений (императорских указов, распоряжений министерств, докладов от исполнителей). В наибольшей степени понятие стратагемы сходно с понятием алгоритма⁶ в математике»⁷, то есть системы операций, применяемых по строго определенным правилам, которая в результате последовательного их применения приводит к решению поставленной задачи. **Поэтому мы и называем стратагематику наукой точной.** Однако если говорить, например, о дипломатических стратагемах, то можно сказать, что «стратагемность – это своего рода дипломатическое карате: знающий правила, владеющий техникой может победить даже более сильного противника, если точно нанесены удары по его уязвимым местам»⁸.

⁶ См.: Криницкий Н. А., Миронов Г. А., Фролов Г. Д. Программирование и алгоритмические языки. Под. ред. А. А. Дородницына. М., «Наука», 1975. С. 64–65.

⁷ Мясников В. С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., ИДВ РАН, 1977. С. 16.

⁸ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., «Наука», 1980. С. 53. То же, Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1987. С. 54.

При этом следует отметить, что «стратагемы существуют у всех народов, однако на Западе нет аналогов такого свода стратагем, который уже в течение почти трех тысячелетий характеризует традиционное китайское мышление. Он представляет собой своего рода зашифрованную таблицу умножения, известную каждому китайцу с детства и во многом организующую его поведение в различных жизненных ситуациях», – этот вывод был сделан нами в середине 90-х годов прошлого века⁹. Как показывает современное состояние науки о стратагемах, он не только не устарел, но, наоборот, постоянно подтверждается другими исследователями.

Это свидетельствует о том, что европейская стратагематика, зародившаяся в Древней Греции, через Рим и Византию просочилась в сознание начала той эпохи раннего Средневековья, в которой она увяла как несовместимая с установлениями христианской религии. Но возникает вопрос: где же, в какой из древних цивилизаций впервые зародились идеи использования особых приемов для достижения успеха в военном деле, дипломатии, в дворцовых переворотах и других сторонах жизни древнего общества? Источники свидетельствуют о том, что история Древнего Китая содержит наиболее обширный круг применения стратагем в политической жизни, вооруженных конфликтах, в общественных делах и

⁹ Мясников В. С. Антология хитроумных планов // Зенегер Х. фон. Стратагемы. М., «Прогресс», 1995. С. 5–17.

в быту¹⁰. И именно китайская историческая и философская традиция подобно глубинному бурению позволяет извлечь на обозрение факты наиболее раннего применения стратегических уловок¹¹.

Человечество с момента его становления было обществом информационным. Ни одну из цивилизаций, бывших в историческом прошлом или существующих ныне, нельзя изучать в отрыве от общечеловеческой цивилизации. Все цивилизации представляют собой варианты развития этой земной цивилизации, выражаясь языком музыки – вариации на тему прогресса человечества. Итак, первое требование – изучать цивилизации системно, то есть как систему цивилизаций, образующих нечто единое целое. Второе методологическое требование – изучать в сравнении¹². Достоинства и недостатки, достижения и промахи любой цивилизации легче всего обнаруживаются в сравнении ее с другой, развивавшейся в близких исторических условиях. Кстати, нет «мерт-

¹⁰ Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 3. Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.). М., «Восточная литература», 2006.

¹¹ Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., «Каро», 2011. С. 124.

¹² Интересный опыт сравнения цивилизаций Китая и Греции провел Франсуа Жюльен (Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. Пер. с фр. В. Лысенко. Моск. Философск. Фонд, 2001). В своем анализе он использовал такие философские понятия, как смысл и значение (об их интерпретации в различных направлениях философии см. статью А. Ю. Бабайцева под этим же названием// Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 629–630).

вых цивилизаций», как иногда называют египетскую, греческую и ряд других цивилизаций, существовавших еще до нашей эры и не переживших исторические катастрофы. Гибель государств и гибель цивилизаций (их культур) это разные понятия, ибо государства лишь оболочки цивилизаций. Дело в том, что «душа» каждого цивилизационного комплекса, то есть его духовная культура, в тех или иных формах продолжает существовать в современном мире. Вопрос заключается в востребованности нами этих достижений былых цивилизаций. Если древние открытия и наработки в духовной сфере востребованы, то и цивилизация продолжает жить¹³. Даже если ее материальная культура стала добычей времени и, соответственно, археологов. Примером этому служит современное китайское общество, в котором реализуется девиз «поставить древность на службу современности» («и гу вэй цзинь»). В этом смысле цивилизации бессмертны.

Итак, главным синтезирующим элементом любой цивилизации выступает ее духовная культура, и, как производная от этого элемента, ее политическая культура. Квинтэссенцией политической культуры всегда были воинское искусство

¹³ Это подтверждают наработки современного востоковедения. В качестве примера можно сослаться на постулат в Предисловии к «Истории Древнего Востока»: «Как показывает история человечества, культуры погибают лишь насильственной смертью, что бывает чрезвычайно редко. Обычно же преемственность в той или иной степени сохраняется, а за гибель культуры часто принимают гибель государства или перемены языка и стиля». Якобсон В. А. Предисловие// История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., «Восточная литература», 2004. С. 41.

и дипломатия. При всем многообразии военных и дипломатических школ в любой национальной (или цивилизационной) системе воинского искусства и дипломатии находится нечто (явное или скрытое), что делает ее сильнее оружия. Это особые приемы дипломатической и вооруженной борьбы, когда скрещиваются боевые или словесные мечи, когда в выигрыше оказывается тот, у кого в багаже есть секретная заготовка, план, способный привести контрагента в замешательство. Во всемирной истории своим особым воинским искусством и блеском дипломатии выделяются два направления – китайское на Востоке и византийское на Западе. Обе эти школы национальной борьбы в отстаивании на международной арене национальных и государственных интересов широко использовали стратагемы. Через знакомство со стратагемами можно увидеть не просто череду событий, происходивших в Сиани или в Константинополе, но и то, почему они произошли и по какому сценарию развивались.

В эпоху Древнего мира ведение войн при создании великих империй привело к совершенствованию вооружений. Мечи и кольчуги, копья и щиты, наконец, боевые колесницы – все это было на вооружении армий Древнего Египта, Персии, Греции, Рима, Китая. Но кроме развития наступательного и оборонительного оружия должна была совершенствоваться и полководческая мысль. Военачальник должен был всесторонне изучить предстоящего противника, местность, где пройдут боевые действия, особенности климата. И, глав-

ное, в результате такого комплексного анализа полководец составлял план каждого из сражений и всей кампании. Разумеется, план был секретным. В нем обязательно должны были содержаться элементы, которые, по мнению его составителя, обеспечивали успех отдельных батальи и всей войны.

Византийская стратагематика уходит своими корнями в богатейший арсенал военной и дипломатической науки, доставшийся ей от Древней Греции и создававшего империю Рима. Однако, если к стратегии во все времена относились предельно серьезно¹⁴, позволяя шутить по поводу нее лишь в поэзии¹⁵, то в эллинско-римском мире стратагемы использовались, но, «при всей их полезности, не рассматривались ни греками, ни римлянами как разновидность рациональной науки о войне, поскольку связывались не с расчетом, а со случаем»¹⁶.

Как само слово «стратагема», так и систематические описания хитростей и уловок со времен Античности появились именно на страницах военных сочинений. В названиях гре-

¹⁴ Классическое определение понятия «стратегия» дал прусский фельдмаршал Август фон Гнейзенау (1761–1831): «Стратегия есть искусство [использования] пространства и времени. <...> Пространство можно вернуть; потерянное время – никогда». «Zeitschrift für Politik». München. 1933–1934. Bd.23, p.50.

¹⁵ Шота Руставели с улыбкой заметил: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». //«Витязь в тигровой шкуре». Гл. 24. М., 1953. С. 129.

¹⁶ Перевалов С. М. Предисловие//Тактические трактаты Флавия Арриана. Тактическое искусство. Диспозиция против аланов. Текст. Перевод. Комментарий. «Памятники исторической мысли». М., 2010. С. 33.

ческих и римских памятников используется транслитерация древнегреческого слова *στρατηγῆμα* – *стратегима* (мн. число *στρατηγῆματα* – *стратегимата*), которое использовал и Фронтин, для остальных случаев используется транслитерация принятого в современных европейских языках слова (*stratagem* – англ., *stratagème* – франц., *stratagem* – нем.), закрепившаяся и в русском языке.

До нашего времени дошло два военных трактата – «Стратегемы» греческого автора II века н. э. Полиэна¹⁷ и «Стратегемы» римского военного теоретика I века н. э. Секста Юлия Фронтинана. Именно Фронтинан дал первое в Европе определение *стратагемы*¹⁸. В Древней Греции и Риме понятия *στρατηγικὰ* (*стратегика*) и *στρατηγῆματα* – (*стратегимата*), ставшие впоследствии названиями разных жанров литературы, были достаточно близки. Как отдельный жанр *στρατηγῆματα* сформировались достаточно поздно, уже по-

¹⁷ Полиен. Стратегемы. Под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., «Евразия», 2002 (далее: Полиен. Стратегемы).

¹⁸ «Если найдутся читатели, которым эти свитки придется по сердцу, пусть они имеют в виду, что стратегия и стратегемы, хоть и очень сходны, различаются между собой. Все, что полководец совершает по заранее обдуманному плану, надлежащим образом, со всей официальностью и постоянством, это будет считаться стратегией, а если это лишь по видимости так, то это – стратегематы. Сила этих последних, заключающаяся в искусности и ловкости, полезна и при обороне и при наступлении. Блестящие результаты здесь давали также речи, поэтому мы даем образцы деяний и речей». Фронтинан Секст Юлий. Стратегемы. Искусство войны: Антология. В 2 кн. Кн. 1. Древний мир. Сост. Р. Светлов. СПб., 2002. С. 118.

сле создания стратегик, тактик и полиакретик. Сложную связь понятий *στρατηγικά* и *στρατηγήματα* отмечал и Карл фон Клаузевиц: «На первый взгляд кажется правильным, что стратегия получила свое название от хитрости и что при всех действительных и кажущихся переменах, которым подвергалось ведение войны со времен греков, это название все еще указывает на специфическую сущность стратегии»¹⁹.

Полиэн собрал в 8 книгах свыше 900 таких стратагем, которыми пользовались в реальной жизни греческие военные и политики, а также которые упоминались в художественной литературе, в частности в «Одиссее» Гомера. Герои греческой мифологии также являлись для него составителями и пользователями стратагем. Обращаясь к стратагемам Полиэна, мы сразу замечаем их созвучие китайским стратагемам. И не просто обнаруживаем созвучие, а, более того, прямые аналоги. Вот, например, стратагема № 9 «Телемен»:

«Телемен вместе с другими Гераклидами, желая переправиться на Рион, послал локров-перебежчиков сообщить пелопоннесцам, что они стоят на якоре в Навпакте, чтобы казалось, что собираются отплыть к Риону, но их *истинное* желание – отправиться к Истму. Пелопоннесцы, поверив, пошли к Истму. А *войско* во главе с Теменом спокойно завладело Рионом»²⁰.

¹⁹ Клаузевиц К. О войне: пер. с нем. А. Рачинского. – М., Издательская корпорация «Логос», «Наука», 1994. С. 226.

²⁰ Полиен. Стратагемы. Кн. I. № 9. С. 67. Перечень приводимых в трактате

И ознакомимся с китайской стратагемой № 8 из «Трактата 36 стратагем», которая озаглавлена «Для вида чинить деревянные мостки, втайне выступить в Чэньцзан». Ее сущность звучит следующим образом: «Стратагема сокрытия истинного направления». В качестве примера приведем вариант 8.2:

«Дэн Ай (197–264), военачальник государства Вэй, разбил лагерь на северном берегу Белой реки (на северо-востоке нынешнего уезда Сунпань в провинции Сычуань). Через три дня военачальник Цзян Вэй (202–264) из государства Шу приказал своему подчиненному Ляо Хуа вести войско на южный берег той же реки и поставить его напротив лагеря Дэн Ая. Военачальник Дэн Ай сказал своему коменданту: «Если бы Цзян Вэй собирался на нас внезапно напасть, то он осадил бы нас, притом что мы гораздо слабее его, по обычным правилам военного искусства. Он бы сразу же переправился через реку и напал на нас. Однако мы не видим с его стороны никакого движения. Я думаю, что Цзян Вэй собирается отрезать нас с тыла вот и поставил Ляо Хуа, только чтобы удержать нас здесь. Цзян Вэй наверняка направился сейчас с большой армией на восток, чтобы захватить наш опорный пункт, город Таочэн (современный Таоянчэн в провинции Ганьсу).

Той же ночью Дэн Ай приказал своему войску направить-

Полиэна стратагем, схожих с китайскими или, более того, имеющих китайские аналоги, может быть существенно продолжен.

ся в Таочэн по маленькой тропинке. Действительно Цзян Вэй как раз собирался переправиться через реку, чтобы занять город. Но Дэн Ай подоспел раньше. Так что Таочэн остался в руках Дэн Ая. Вот прием неудачного применения стратегемы № 8, поскольку Дэн Ай сумел ее разгадать. Отклонение Цзян Вэя от обычных военных действий – переправы через реку и нападения на значительно более слабое войско Дэн Ая – было слишком очевидно и навело Дэн Ая на подозрения»²¹.

Что касается византийцев, то Маврикий в «Стратегиконе» указывал, что «действия на войне подобны охоте. Подобно тому, как успех на охоте достигается больше с помощью выслеживаний, сетей, засад, обманов, облав и других уловок, чем с помощью силы, все это нужно использовать и в войнах, будут ли враги более сильными или более слабыми. Ведь действовать против врагов только в открытую или напролом, даже если победа над ними кажется очевидной, значит связывать исход дела с опасностью и неоправданным ущербом. Поэтому безрассудно добиваться победы, сопряженной с уроном, без большой необходимости, – это приносит лишь призрачную славу»²².

Собрание византийских стратегем мы находим в фунда-

²¹ Зенгер Харро фон. Стратегемы. Т. 1. Перев. А. В. Дыбо. Общ. ред., вступит. статья и комментарии ак. В. С. Мясникова. М., «Эксмо», 2004. С.163.

²² Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. М., Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 401.

ментальном труде Кекавмена «Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века»²³.

Как отмечают современные авторы, «стратагемы как особое явление социальной жизни представляют собой очень трудный объект для исследования. Во-первых, уловки и хитрости – это нетипичные, уникальные для своего времени и места мысли и действия, требующие особого искусства и нестандартного подхода к ситуации. В результате применения стратагемы получается, как правило, неожиданный и изумляющий окружающих результат. Как это ни парадоксально, но иногда результат воплощения хорошего плана и колдовство оценивались китайским обществом как явления одного порядка. Такое восприятие стратагем характерно не только для произведений фольклора или литературы, в которых авторский вымысел и фантазия практически ничем не ограничены. В Китае с именами стратагемщиков ассоциировались не только военные трактаты, но и технологии прогноза погоды, умение предсказывать будущее, воплощенные в различные гадательные практики, системы физиогномики и хиромантии. Начиная с «Истории династии Суй» (589–619 гг.) названия подобных сочинений присутствуют практически во всех библиографических разделах официальных династийных историй. Такая наивная ассоциация, закрепив-

²³ Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. Изд. 2-е, перераб. и доп. Подготовка текста, введение, перевод с греческого и комментарий Г. Г. Литаврина. СПб., «Алетейя», 2003.

шаяся как в народной культуре, так и в культуре просвещенных слоев общества, демонстрирует признаваемое всеми китайцами редкое умение видеть в различных природных и социальных явлениях скрытое, непроявленное, недоступное обыденному сознанию»²⁴.

Если исследовать стратагемы не только с точки зрения психологических особенностей древнекитайского общества, но и их прикладной эффект, то тогда вступает в действие вторая их особенность. Дело в том, что «применение уловок требует скрытности и секретности. Маскировка истинных целей и дезинформация противника – самые важные условия успешной реализации стратагемы. Исследователю, как правило, доступно только описание конечного результата, зафиксированного фольклорной традицией, эпосом или исторической хроникой. Именно поэтому очень сложно бывает реконструировать процесс мышления, в результате которого создаются успешные стратагемы»²⁵. Достаточно про-

²⁴ Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратагемного мышления в Китае // Вестник Новосибирского Государственного университета. Научный журнал. Серия: История, филология. 2012. Том 11, выпуск 10: Востоковедение. С. 130–131.

²⁵ Как утверждал Франсуа Жюльен, обращение к литературным описаниям хитрости и хитроумия не позволяет вскрыть глубинных корней этого явления и создать теорию, его объясняющую. «В Греции мы нигде не найдем теории хитрости. Хитрость можно обнаружить только там, где есть игра социальных и интеллектуальных сил; иногда хитроумие становится просто «навязчивой идеей», но ни в одном тексте нет его анализа, нигде не вскрываются его основы и побудительные причины. Вот почему Вернан и Детьен могли изучать хитроумие только

блематичным по этим же причинам представляется анализ неудачных попыток использования стратагем, такие факты письменные источники практически не фиксируют»²⁶.

И, наконец, «в-третьих, контекст существования стратагем характеризуется многоуровневыми и разноаспектными конфликтами. Собственно говоря, мотивом для создания и применения стратагемы является социальный конфликт, который невозможно разрешить общепринятыми или силовыми методами. Во многих культурах и обществах применение хитростей и уловок вступает в противоречие с этическими нормами и предписаниями, не всегда считается допустимым или разрешенным действием. В рамках социального конфликта может сформироваться еще один – этический конфликт оценки целей и средств, проявляющийся в необходимости обоснования или оправдания использования улов-

на основе мифов и драмы, а там оно всегда предстает «неглубоким», погруженным в практику, и, несмотря на широкое использование «хитростей», природа *metis* не раскрывается (выделено нами. – Т.З. и В.М.) и происки ее не находят оправдания». [Жюльен Ф. Трактат об эффективности/ Пер. с фр. Б. С. Крушняк. М., Университетская книга, 1999. С. 18–19.] Проблема природы военной хитрости и в наше время обладает реальной актуальностью, как для западных, так и для российских исследователей в области военной науки, и не в последнюю очередь по причине отсутствия адекватных задачам современной ситуации теоретических обобщений, см: [Лобов В. Н. Военная хитрость М., «Логос», 2001. С. 8–11]; Чжунго лидай цзюньши чжанлюэ. (Военные стратегии Китая в древности). Шан, ся цэ. Бэйцзин. 1986; Грин Р. 33. Стратегии войны. М., «Рипол классик», 2007.

²⁶ Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратагемного мышления в Китае... С. 131.

ки»²⁷.

Выводом из этой триады методологических особенностей изучения стратагем является то, что «исследователь, реконструирующий стратагемное мышление, сталкивается с тройным сопротивлением исходного материала, обусловленным изначальной атмосферой секретности, в которой создавалась стратагема, мистическим флером ее восприятия в обществе и сомнительным этическим статусом самого факта реализации стратагемы, который ее автор не всегда стремился вынести на обозрение широкой публики. Закономерным следствием таких характеристик исходного материала является простой «коллекционерский» подход к изучению стратагем и стратагемного мышления, в рамках которого стратагемы подбираются в рамках определенного рубрикатора, например «Трактата «36 стратагем», а то и вовсе бессистемно»²⁸.

²⁷ Там же.

²⁸ В настоящее время такой подход, к сожалению, является доминирующим в исследованиях, посвященных явлению стратагемности. Тем не менее, у него есть достаточно авторитетные противники. Французский философ Франсуа Жюльен в обосновании источниковедческой базы для «Трактата об эффективности», посвященного специфике этого понятия в Китае, пишет, что «я предпочел оставить за рамками исследования тексты типа «Тридцати шести стратагем» («Сань ши лю цзи») – сборники полезных советов по части военной хитрости. Я сделал это для того, чтобы, с одной стороны, сохранить историческое единство материала (ибо эти сборники относятся к более позднему периоду и лишь повторяют хорошо известные идеи в афористической форме), а с другой стороны, чтобы отмежеваться от той вестернизированной «китайщины», по поводу которой и без меня сказано немало». [Жюльен Ф. Трактат по эффективности/ Пер. с фр. Б. С.

Вместе с тем, Линь Юйтан увязал применение стратагем с традиционной китайской религией – даосизмом. «В китайской литературе, поэзии и пословицах, – подчеркивал он, – очень часто отражается <...> даосская философия. Такие выражения, как: «Теряя пешку, выигрываешь партию», «Из 36 стратагем лучшая – это бегство», «Настоящий герой никогда не будет рисковать», «Отступи на шаг в своих мыслях», свидетельствуют о восприятии жизненных проблем, свойственном китайскому складу ума. Жизнь предоставляет много возможностей пересматривать те или иные решения благодаря «36 стратагемам», помогающим сглаживать острые углы, в результате чего человек обретает то подлинное добродушие и степенность, которые олицетворяют китайскую культуру»²⁹.

Начавшийся в эпоху Великих географических открытий активный контакт различных человеческих цивилизаций продолжается и в наши дни. Европейскую цивилизацию Восток обогатил пряностями и алмазами, шелками и оригинальными философскими системами, фарфором и искусством строить арочные мосты. В течение столетий европейские политики толковали об «отставании» Востока, его «застойности», тем не менее, XVIII век для Парижа, Лондона, Берлина и Петербурга был отмечен устойчивой модой на все

Крушняк. М., Университетская книга, 1999. С. 9] Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратагемного мышления в Китае... С. 131

²⁹ Линь Юйтан. Китайцы, моя страна и мой народ. Перевод с китайского Н. А. Спешнева. М., «Восточная литература», 2010. С. 62.

китайское. Стиль «шинуазри» в убранстве дворцов и в парковой архитектуре, в живописи и в предметах быта и по сей день мы видим в ансамблях и коллекциях Версаля и Петергофа, Ораниенбаума, Лувра и Потсдама, в собраниях десятков других музеев³⁰.

В течение столетий европейцы жадно брали все, что поражало и привлекало их, но, в общем-то, все это лежало на поверхности. Удивительные же свои тайны Восток упорно хранил, для их разгадки требовались время и труд ученых-ориенталистов. Сегодня новые средства коммуникации уплотнили время. Не только востоковеды, но и европейски высокообразованные представители стран Востока выступают в роли талантливых пропагандистов этнокультурных достижений азиатских цивилизаций, способствуют постижению европейцами особенностей политической культуры восточных обществ. Вопреки предсказаниям Р. Киплинга Восток и Запад сходятся. Более того, Восток ведет наступление на Запад.

Если брать не политический, а социальный уровень, то на наших глазах в Европе и Америке почти поголовное увлечение дзен-буддизмом, йогой и сексуальными рекомендациями, записанными в Камасутре, естественно перешло в устойчивый интерес к достижениям традиционной китайской медицины, кухни, гимнастике *ушу* и системе *цигун*. Этот инте-

³⁰ См.: Неглинская М. А. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). М., «Спутник», 2012.

рес вылился в широкое занятие китайскими методами физической и психологической тренировки, что привело к созданию спортивных секций и выпуску специальной литературы. Сегодня Запад наверстывает свое отставание от Востока в главном – в науке о человеке.

Представляемая читателю книга приоткрывает завесу над еще одной, причем наиболее закрытой от иностранцев, особенностью восточноазиатской цивилизации – стратагемностью мышления ее представителей. Само понятие стратагема (по-китайски: чжимоу, моулюе, цэлюе, фанлюе) означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Интересна сама семантика этого понятия: бином «чжимоу», например, одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость. Как было отмечено выше, стратагемность зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы.

Огромное влияние на теоретическую разработку стратагемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата «О военном искусстве», который требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем. В настоящее время можно считать установленным, что под литературно-философским псевдонимом Сунь-цзы выступал выдающийся полководец-«стратагемщик» Сунь Бинь, живший в IV в. до н. э. в древнекитайском царстве Ци. На протяжении тысячелетий китайские

полководцы составляли стратагемы для взятия крепостей и достижения успеха в военных кампаниях. В исторических хрониках и романах сохранились имена выдающихся стратегов: от легендарного Тай Гуна, наставника У-вана, основателя династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.), и соперничавшего в военной славе с самим Сунь Бинем полководца У-цзы (V в. до н. э.) до героев эпопеи «Троецарствие» (конец II – начало III в. н. э.) Чжугэ Ляна и Цао Цао.

Стратагемы составляли не только полководцы. Политические учителя и наставники царей были искусны и в управлении гражданским обществом, и в дипломатии. Все, что требовало выигрыша в политической борьбе, нуждалось, по их убеждению, в стратагемном оснащении. Дипломатические стратагемы представляли собой нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам. В дипломатии понятие стратагемности раскрывается как сумма целенаправленных дипломатических и военных мероприятий, рассчитанных на реализацию долговременного стратегического плана, обеспечивающего решение кардинальных задач внешней политики государства. Будучи нацеленной на реализацию стратагемы, стратагемная дипломатия черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства.

Но с помощью стратагем наносились и тактические удары. Широко известна, например, стратагема «Убить чужим ножом», с помощью которой устранялся опасный персонаж в лагере противника. Так, в романе-эпопее «Троецарствие» министр – блюститель церемоний Ван Юнь задумывает стратагему, чтобы избавиться от жестокого и распутного военачальника Дун Чжо, стремившегося захватить престол. Ван Юнь договаривается с красавицей певицей и танцовщицей Дяочань о том, что она должна понравиться и Дун Чжо и его приемному сыну, храброму, но недалекому воину Люй Бу. Ван Юнь обещает отдать Дяочань молодому храбрецу, но отправляет ее к Дун Чжо. Естественно, что Люй Бу взбешен и обвиняет Ван Юня в коварстве, однако тот с невинным видом отвечает, что Дун Чжо лишь поинтересовался подарком и взглянул на красавицу, после чего, уверив, что сам передаст ее Люй Бу, увез артистку к себе. Став наложницей Дун Чжо, Дяочань постоянно стремится столкнуть своего хозяина с его приемным сыном. В конце концов, ей это удалось, и Ван Юнь, устроив западню, заманил Дун Чжо во дворец, где тот и был убит Люй Бу³¹.

Этот эпизод подобен многим другим в богатой истории Китая. Но в нем особенно наглядно раскрываются необходимые условия для составления и успешной реализации стратагем. К ним относятся: умение рассчитывать ходы и предви-

³¹ См.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. Перевод с китайского В. А. Панасюка. М., 1984. С. 62–73.

деть их последствия, знание психологических особенностей тех, против кого нацелен план (Дун Чжо обуян жадной власти и сластолюбив, Люй Бу храбр, недалек и может увлечься молодой красавицей) и, наконец, упорство автора плана в реализации стратагеми. Стратагема организует последовательность действий.

Выражение «политика является искусством возможного» стало тривиальным. Банальное толкование его сводится к тому, что политик ограничен в своих возможностях и должен, будучи реалистом, максимально учитывать конкретную ситуацию, следовательно, он не может сделать более того, что ему позволяют обстоятельства. Однако на самом деле искусство возможного – это способность предвидеть последствия политических шагов, их возможные результаты. В этом плане стратагемность, раскрывая способность просчитать ходы в политической игре, а порой не просто просчитать, но и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и качеств противника, служит образцом политической дальновидности, причем дальновидности активной.

Итак, стратагемность – это сплав стратегии с умением расставлять скрытые от противника западни. Казалось бы, все очень просто: найдите свою стратегию и оснастите ее ловушками. Но даже в такой суперстратегической игре, как шахматы, европейские мастера лишь в конце XIX в. научились строить основанные на оценке ситуации стратегические планы. Э. Ласкер писал по этому поводу: «Найти правиль-

ный план так же трудно, как отыскать верное обоснование его. Прошло много времени, по меньшей мере, тысяча лет, прежде чем шахматный мир понял значение плана»³². В Китае же за несколько столетий до нашей эры выработка стратегических планов – стратагем – вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями.

Знание древних стратагем, составление хитроумных планов превратилось в традицию, причем не только традицию политической жизни, касающейся дипломатии или войны. Со временем продуманный во всех деталях обычный бытовой план сравнивали в Китае с классическим наследием великих стратегов. В известном средневековом романе «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» старуха сводня Ван, устраивая герою любовное свидание, хвастает, что у нее есть план, состоящий из десяти пунктов, который по своим достоинствам не уступает планам самого Сунь-цзы³³.

Умение составлять стратагемы свидетельствовало о способностях человека, наличие плана вселяло в исполнителей уверенность в успехе любого дела. Поэтому на всех уровнях в Китае привыкли с должным уважением относиться к стратегии и вырабатываемым стратегами планам. От важнейших политических проблем до игры в китайские облавные шашки «вэй-ци» – всюду шло состязание в составлении и реа-

³² Ласкер Э. Учебник шахматной игры. Изд. 6-е. М., 1980. С. 193.

³³ См.: Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй. Перевод с китайского В. С. Манухина. Т. 1. М., «Художественная литература», 1977. С. 59–60.

лизации стратагем. Появился даже специальный термин – *чжидоу*, – обозначавший такую состязательность. Стратагемность стала чертой национального характера, особенностью национальной психологии. Но это не означает, что китайцы – это нация ловких интриганов, хитрецов и обманщиков. Нет. Это народ, в первую очередь умеющий стратегически мыслить, составлять долгосрочные планы, как на государственном, так и на личностном уровне, умеющий просчитывать ситуацию на достаточное количество ходов вперед и употребляющий стратагемные ловушки для достижения успеха.

Одним из достоинств совершенного человека, согласно конфуцианскому учению, являлось такое качество, как «минь» – ум, смысленность, способности. Владение искусством составлять стратагемы было свидетельством высокой одаренности. О таких людях говорили: не успеет шевельнуть бровью, в голове рождается план. В Древнем Китае огромная масса придворных ученых, философов занималась составлением стратагем. Эти профессионалы предлагали свои секретные планы правителям царств или феодалам, способным оплатить интеллектуальную услугу.

Вместе с тем еще в Древнем Китае была поставлена проблема соотношения стратагемности с моралью. Конфуцианские ученые критиковали создателя первой централизованной китайской империи Цинь Ши-хуанди (259–210 до н. э.) за то, что он «выслушивал планы, предлагавшиеся множе-

ством людей, применял достижения шести поколений, благодаря чему, как шелковичный червь, пожрал шесть царств, уничтожил местных владетелей, овладел Поднебесной. Он полагался на низость коварных планов, что привело к исчезновению искренности и доверия. В его правлении не было ни нравственных наставлений, ни преобразующих начал гуманности и справедливости, которые помогли бы объединить сердца Поднебесной... и в Поднебесной начался великий разброд, вызванный тем злом, которое таилось в коварстве и лжи правителя»³⁴.

Ответ Цинь Ши-хуанди его оппонентам был весьма характерен: император приказал закопать несколько сот ученых живьем в землю, а их книги сжечь. Как говорится, без всякой стратагемности. Но судьба не оставила безнаказанным это злодеяние: спавшему императору была введена в ухо игла, он скончался без следов насилия или отравления. Но проблема моральных аспектов стратагемности оставалась. Она решалась исторической наукой и художественной литературой, исходившими каждый раз из одного общего критерия: если герой действовал в интересах государства и ради благоденствия народа, то он относился к положительным персонажам, его стратагемы и основанные на них шаги и меры были благородными по определению. И, разумеется, узурпаторы власти, охотники за чужим добром, похитители невинности и прочие злодеи составляли «негативные» стратагемы,

³⁴ Васильев К. В. Планы Сражающихся царств. М., 1968. С. 40.

которые, тем не менее, все равно подлежали изучению и запечатлению в анналах.

Эта проблема дожила и до наших дней, и не только в Китае. Современная психология указывает, что необходимо различать «игры» с таким типом социального действия, как «операция». «Операцией мы называем простую трансакцию или набор трансакций, – подчеркивает Э. Берн, – предпринятых с некоторой заранее сформулированной целью. Например, если человек честно просит, чтобы его утешили, и получает утешение, то это операция. Если кто-нибудь просит, чтобы его утешили, и, получив утешение, каким-то образом обращает его против утешителя, то это игра. Следовательно, внешне игра выглядит как набор операций. Если же в результате игры один из участников получает «вознаграждение», то становится ясно, что в ряде случаев операции следует считать маневрами, а просьбы – неискренними, так как они были лишь ходами в игре»³⁵. В целом же, отмечает этот психоаналитик, современное американское общество не поощряет искренности (кроме как в интимной обстановке), так как здравый смысл предполагает, что искренность всегда можно использовать с дурным умыслом³⁶.

Итак, кто же может успешно пользоваться стратагемами? Тот, кто всесторонне подготовлен, кто, изучив особенности стратагемного мышления и действий, может обеспечить вы-

³⁵ Берн Э. Указ. соч., с. 37.

³⁶ См. там же, с. 148.

игрыш в состязании даже с более сильным или хитрым противником, если тот не обеспечил себе такую же подготовку. «Непобедимость заключена в самом себе, возможность победы заключена в противнике», – учил Сунь-цзы³⁷. Собственно, этот же принцип лежит и в основе всех восточных боевых единоборств: ушу, карате, цзюдо, тхэквондо. Стратегемность – это школа психологического противоборства, которой присущи свои законы и требования. Давая рекомендации своим читателям, Сунь-цзы впервые описал определенный стереотип поведения, который можно назвать азбукой стратегемщика. «Если ты и можешь что-нибудь, – наставлял великий стратег, – показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если его ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов, выступай, когда он не ожидает»³⁸. Девизом стратегемного образа действий являются слова Сунь-цзы: «Сначала будь как невинная девушка – и противник откроет свою дверь.

³⁷ См.: Конрад Н. И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.-Л., 1950. С. 37.

³⁸ Там же. С. 34.

Потом же будь как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите»³⁹.

Стратагемность была серьезным оружием китайских политиков, военных, дипломатов. Благодаря устной традиции, историческим хроникам и художественным произведениям эффективность применения стратагем была очевидной и для широкой публики. Естественно, стратагемы стали секретным национальным достоянием. Прагматичный китайский ум выработал специальную терминологию, используемую в стратагематике⁴⁰, классифицировал стратагемы по видам, разработал методику применения той или иной стратагемы в зависимости от конкретной ситуации, создал «сокровенную книгу о военном искусстве» – «Трактат о 36 стратагемах»⁴¹. Но все это должно было тщательно скрываться от иностранцев. Одним из способов предотвращения утечки сведений о стратагемах был существовавший в императорском Китае запрет на вывоз из страны книг. Разумеется, никто из имперских чиновников не посмел бы ввести иностранца в секретный арсенал стратагем.

Сами же иностранцы, даже после знакомства с трактатом

³⁹ Там же. С. 54.

⁴⁰ Подробнее см.: Завьялова Т. Г. Формирование терминологических средств стратагематики в китайской культуре//Восток-Запад. Историко-литературный альманах 2003–2004. Под. ред. ак. В. С. Мясникова. М., «Восточная литература», 2005. С. 255–274.

⁴¹ Духовная культура Китая. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., «Восточная литература», 2009. С. 596–597.

Сунь-цзы и применения его в военных академиях в качестве учебного пособия, не подозревали о широте использования в Китае стратагем на всех уровнях. Тем более они не учитывали, что стратагемность стала важной чертой национальной психологии. Этим объясняется длительное «молчание» мировой синологии по этой проблеме. Попытки же специалистов смежных дисциплин сориентироваться в древних традициях Востока привели их к заключению, что «самые ранние сценарные психоаналитики были в Древней Индии. Они строили свои предсказания в основном на астрологических идеях. Об этом любопытно говорится в «Памчатантре»⁴². Добавим к этому, что и политическая наука Древней Индии создала и рекомендовала правителям использовать огромное число хитроумных планов⁴³.

Сегодня стратагематика – учение о стратагемах – во всем мире переживает второе рождение. Но при этом «если страны Дальневосточного региона последние три десятилетия переживают настоящий «стратагемный бум», – с горечью пишет крупный специалист по китайским стратагемам Т. Г. Завьялова, – то в России отголоски этого явления можно назвать, скорее, «стратагемным ажиотажем», в горячке переживания которого научная новизна и актуальность зачастую подменяются веяниями моды. Два, на первый взгляд, разных

⁴² Берн Э. Указ. соч., с. 193.

⁴³ См.: Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. История, религия, философия, эпос, литература, наука, встреча культур. М., 2000. С. 369–383.

процесса, тем не менее, имеют сходные, хотя и обусловленные разными причинами черты. Самый распространенный тип произведений – те, в которых в качестве базового источника фигурирует трактат «36 стратагем». Как правило, в рамках этого подхода издается литература скорее практически-популяризаторского, нежели исследовательского толка. Основное ее отличие – подбор самых разнообразных иллюстраций к списку из 36 стратагем, иногда дополненному или слегка модифицированному. Тем не менее, этот подход популярен не только в КНР и на Тайване, но также в Японии и Южной Корее. По этому образцу издаются сборники стратагем в России и на Западе. Второй подход большей частью реализуется в КНР при создании словарей стратагем различного толка. Количество стратагем, представленных в подобных изданиях, гораздо больше 36 (иногда счет идет на сотни или тысячи), они могут располагаться просто в алфавитном порядке (согласно фонетической транскрипции) или по количеству черт в иероглифе, более сложные виды расположения – по сфере применения, персоналиям или в хронологическом порядке»⁴⁴.

Упомянутая литература о стратагемах «практически-популяризаторского толка»⁴⁵ тем не менее, ценна тем, что рав-

⁴⁴ Завьялова Т. Г. Особенности стратагемной теории в минских «Книгах мудрости»//Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Том 12. Вып. 4. Востоковедение. С. 58.

⁴⁵ Например: Романова Н. П., Брагин В. В., Романова И. В. Деловой этикет на Востоке. М., «Восток – Запад», 2004. Василенко О. А. Политические пере-

ные возможности овладеть искусством составления стратегем предоставляются всем. И мы надеемся, что новая публикация в одном томе перевода книги Харро фон Зенгера на русский язык поможет в этом и нашим согражданам.

А как «рассекретили» стратегемность? Нет, тысячелетнюю тайну стратегем не вывозили из Китая, подобно коконам шелкопряда в выдолбленном посохе странствующего византийского монаха. Просто, как часто бывает в науке, возросшее количество отдельных данных привело к качественному скачку в приращении знания.

Российская и западноевропейская наука пришла к открытию стратегемности почти одновременно. Автор этих строк, изучая в конце 50-х – первой половине 70-х годов полный свод дипломатических документов китайской стороны, относящихся к взаимоотношениям империи Цин с Русским государством в XVII веке⁴⁶, обнаружил определенную закономерность формирования этой документации и соответственно действий китайских властей. Какая-то скрытая пружина, даже не просто пружина, а целостный и точно действующий механизм способствовал реализации внешней политики империи на ее северных рубежах. Знакомство с источником, носившим весьма примечательное название: «Пиндин лоча фанлюе» («Стратегические планы усмирения русских»), –

говоры. М., МГИМО, 2008. Крысько В. Г. Этническая психология. 3-е изд. М., «Академия», 2007.

⁴⁶ См. нашу публикацию: Русско-китайские отношения в XVII в. Документы и материалы. Т. 1. М., 1969; т. 2. М., 1972.

приоткрыло тайну этого механизма. Этот источник показал, как император вынашивал, составлял и в течение более двух десятилетий реализовывал стратегию, нацеленную на вытеснение русских из Приамурья. Дальнейшее исследование подтвердило, что в традиционном Китае искусство составления стратегий всегда оценивалось исключительно высоко. Высшие сановники империи должны были в совершенстве владеть им, излагая свои замыслы императору. В императорских указах, характеризовавших тех или иных государственных деятелей, способность к составлению стратегий отмечалась особо⁴⁷. Была показана содержательная модель стратегии.

В развернутом виде стратегичность как элемент политической культуры традиционного китайского общества, в частности его дипломатии, была проанализирована в монографии «Империя Цин и Русское государство в XVII веке», опубликованной затем на английском и французском языках и выдержавшей второе, дополненное издание на русском языке⁴⁸. Отечественная и зарубежная критика дала высокую

⁴⁷ См.: Мясников В. С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. М., ИДВ РАН, 1977. С. 15–16.

⁴⁸ См.: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., «Наука», 1980; Miasnikov V. S. The Ch'ing Empire and the Russian State in the 17th century. Progress Publishers, M., 1985; Miasnikov V. L'Empire des Qing et l'Etat Russe au XVIIe Siecle. Progress Publishers, M., 1985; его же. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987.

оценку этой работе. Но в нашем китаеведении еще оставались скептики, которые считали, что стратагемность существует, но она не является специфически китайской реальностью. Конечно, пророки отечества не выбирают... Какова же была радость автора, когда в 1988 г. на конференции Европейской ассоциации китаеведов в Веймаре он встретил высокого симпатичного молодого человека, который стоял у стенда, прикрепив к нему ксерокопию титульного листа своей книги «Стратагемы». Это был швейцарский ученый Харро фон Зенгер.

Харро фон Зенгер родился в 1944 г. в небольшом швейцарском селении Виллерцелл, где прожил долгие годы до переезда в Нешатель. Еще в школьные годы он проявил большие способности к языкам, занимаясь вдобавок к официальной программе по латыни, греческому, немецкому, французскому и английскому еще и русским языком. Вскоре после окончания школы он случайно в одной частной коллекции увидел «Граматику разговорного китайского языка» Зейделя. Эта книга настолько захватила юношу, что и определила его судьбу. Поступив на юридический факультет Цюрихского университета, он, помимо специальных дисциплин, занимался «для души» китайским языком. Один из знакомых китайских студентов научил его писать иероглифы. Завершая университетское образование, Харро фон Зенгер уже смог защитить диссертацию по теме «Традиционные китайские торговые договоры» и стал доктором права.

В то время когда русские китаеведы переживали весь драматизм и негативные для их труда последствия китайско-советской конфронтации, особенно лишение их контактов с китайскими учеными, американские и европейские синологи получали подготовку на Тайване. Харро фон Зенгер отправился в Тайбэйский университет, променяв имевшиеся дома положение юриста и высокую зарплату на комнату в аспирантском общежитии. С августа 1971 и по октябрь 1973 г. под руководством китайских профессоров молодой правовед совершенствовал свои знания на юридическом факультете Тайбэйского университета. Он описал этот период своей жизни в очень любопытных дневниковых заметках, которые впоследствии опубликовал⁴⁹. Живой интерес к китайской культуре, к многовековым традициям великой страны привел молодого ученого к постановке фундаментальной проблемы: в чем же сущность различий при межличностных контактах представителей европейской и восточноазиатской цивилизаций?⁵⁰ Стремление разобраться в этом и привело пытливого швейцарца к познанию стратагемности.

Как это часто бывает в науке, помог его величество случай. Изучая историю права на юридическом факультете, Харро фон Зенгер одновременно совершенствовал знание китайского языка в Центре языковой подготовки Тайбэй-

⁴⁹ См.: Зенгер Х. фон. Швейцарец на Тайване. Мин Тао Литерче энд Арт. Тайбэй, 1989 (на кит. яз.).

⁵⁰ См. там же, с. 40–43.

ского педагогического института. Здесь-то он и встретился с работавшей на Тайване по совместительству преподавательницей Пекинской академии национальных меньшинств профессором Бо Чжэнши (настоящее имя которой Бо Шаофань). Она, являясь выдающимся эрудитом, могла ответить, казалось, на любые вопросы. Однажды профессор Бо, между прочим, обронила фразу: «Тридцать шестая стратагема: бегство – лучший выход в безнадежной ситуации». Это высказывание привлекло внимание Зенгера, который задал вопрос: «Если тридцать шестая стратагема: побег – лучший выход из положения, то что же такое стратагема с первой по тридцать пятую?» И его совершенно поразил ответ Бо: «Не знаю». Швейцарский аспирант еще ни разу не слышал, чтобы она говорила: «Не знаю». С тех пор 36 стратагем стали мучившей его загадкой, которую он стремился во что бы то ни стало разрешить.

Вскоре один китайский студент дал ему рифмованную таблицу 36 стратагем, потом на одном из тайбэйских книжных развалов Харро фон Зенгер разыскал книгу, посвященную 36 стратагемам. Однако ни в одном из этих изданий не было подробного разбора каждой стратагема.

Всего же Харро фон Зенгер провел в Восточной Азии шесть лет. Начав еще в Тайбэе штудировать японский язык, он продолжил обучение на юридическом факультете Токийского университета, а затем осенью 1975 г. стал иностранным студентом исторического факультета Пекинского уни-

верситета. И всюду он целеустремленно собирает материал о стратагемах и стратагемности. Особенно повезло ему в Пекине: в университете он встретился с австралийцем Реви Алле (Revy Alley), жившим в Китае с начала 30-х годов. Тот дал Зенгеру книгу, которая была выпущена для «внутреннего пользования» в период, когда в руководство страны входил Линь Бяо. Она называлась «Китайско-английский словарь терминов в области политики, военного дела и культуры». Именно в этой книге швейцарский исследователь нашел анализ трактата «36 стратагем». В 1977 г., возвратившись в Швейцарию высокообразованным востоковедом, молодой ученый много печатается в газетах, выступает по телевидению. 14 января 1977 г. в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Харро фон Зенгер опубликовал первую статью о стратагемах, называвшуюся «Использование 36 стратагем для критики «банды четырех». Тогда же он начинает переводить на немецкий язык трактат «36 стратагем». В 1981 г. Зенгер становится приват-доцентом синологии в Цюрихском университете, а затем с 1989 г. профессором знаменитого Фрейбургского университета имени Альберта Людвига (Германия), где с октября 1993 г. он является деканом философского факультета и читает лекции.

В 1981 г. Европейская ассоциация китаеведов проводила свою очередную конференцию в Цюрихе. В составе советской делегации был профессор В. А. Кривцов, который, опираясь на мои уже изданные к 1980 г. труды, сделал со-

общение о разработке в Институте Дальнего Востока АН СССР, заместителем директора которого он являлся, о теории стратагемности в китайской дипломатии. Конечно, теперь уже трудно восстановить подробности обсуждения этого сообщения, однако известно, что ученый из КНР, принимавший в нем участие, очевидно, воспринял его как обвинение в адрес китайских руководителей и выступил с резкой ответной критикой. На научной дискуссии, к сожалению, отразилась та полемика, которая происходила тогда на уровне политического руководства двух стран. Кстати сказать, в докладе В. А. Кривцова не оказалось конкретных данных о моих публикациях, поэтому Харро фон Зенгер, бывший одним из наиболее заинтересованных участников обсуждения, не получил сведений об издании моих работ на русском языке. Не знал он и о последующих переводах моей книги на английский и французский языки. Он, естественно, продолжал упорно трудиться и в 1988 г. опубликовал на немецком языке свою монографию о китайских стратагемах в швейцарском издательстве «Шерц»⁵¹.

В том же году и состоялась упомянутая выше «историческая» встреча двух европейских «стратагемщиков» в Веймаре. Мы обменялись взаимной информацией и опубликованными трудами и, подобно двум альпинистам, совершившим

⁵¹ См.: Senger H. von. Strategeme. Der erste Band der berühmten 36 Strategeme der Chinesen – lange als Geheimwissen gehütet, erstmals im Westen vorgeestellt. Scherz, Bern, 1988.

разными, но нелегкими маршрутами восхождение к одной и той же вершине, почувствовали взаимное уважение и симпатию. Харро фон Зенгер затратил на подготовку своей монографии 15 лет. Он изучил около 30 книг, посвященных китайской культуре, в которых содержались сведения о стратегемах. Это были китайские (включая Гонконг и Тайвань), японские и южнокорейские публикации. Кроме того, молодой востоковед проработал несколько сот статей на старокитайском и современном языке, сравнил, какой вклад в стратегию был сделан европейцами, индийцами и арабами. Он пришел к выводу, что стратегемы существуют у всех народов. Их можно обнаружить и в Библии, и в сказках братьев Гримм, и в греческих мифах, и в африканских легендах. Но на Западе под влиянием религиозной морали этот вполне естественный феномен общественной жизни официально был как бы приглушен, хотя и существовал в реальной жизни. Тогда как в Китае в условиях религиозного синкретизма для развития стратегемы существовала полная свобода.

Мы вновь встретились в августе 1990 г. на очередной, XXXII конференции Европейской ассоциации китаеведов в голландском городе Лейдене, где профессор Зенгер сделал доклад на тему «Китайские стратегемы и западная культура». Его книга к этому времени стала бестселлером европейской синологии. В 1990 г. издательство «Шерц» выпустило ее пятое издание, одновременно она переводилась на ан-

глийский, голландский, итальянский, японский и китайский языки. Китайский перевод вышел в свет в декабре 1990 г.⁵², причем за четыре месяца разошелся весь 200-тысячный тираж книги. В разных странах появились буквально десятки восторженных газетных и журнальных отзывов о ней.

В чем же секрет такого успеха книги профессора Харро фон Зенгера? Уж не связан ли он с какой-нибудь хитроумной стратагемой ее автора? Думаю, что ответ заключается в том, что эта книга уникальна по многим показателям. Во-первых, она вводила западного читателя в совершенно новый круг знания. Во-вторых, китайцы до недавнего времени в известной мере держали в секрете от иностранцев существование свода стратагем. И хотя в последние годы они популяризуют стратагемность изданием специальной литературы⁵³ и даже сериями комиксов, в Западной Европе и США такого рода литература отсутствовала. Наконец, Харро фон Зен-

⁵² См.: Зенгер Х. фон. Чжимоу – пинчан хэ фэйчан шикэды цяоци (Стратагеми – хитроумные замыслы в обычное время и чрезвычайные моменты). Шанхай, «Жэньминь чубаньшэ», 1990 (на кит. яз.). В том же году вышли в свет голландское и итальянское издания: Senger H. von. Stratagemen. Listen om te overleven. Rotterdam, Lemniscaat, 1990; Senger H. von. Stratagemmi. Vivere e sopravvivere con astuzie vecchie di tremila anni. Roma, Serra e Riva Editori, 1990; а в декабре 1991 г. в переводе Мирона Габитца книга была издана в США: Senger H. von. The Book of Stratagems (Tactics for Triumph and Survival). New York, Viking Penguin, 1991. В 1992–1993 гг. «Стратагеми» были изданы в Турции и на испанском языке в Буэнос-Айресе. В январе 1994 г. вышло тайваньское издание.

⁵³ См., например: Сань ши лю цзи синьбянь (36 стратагем в новой редакции), ред. Ли Линянь. Пекин, «Цзефан цзюнь чубаньшэ», 1981 (на кит. яз.).

гер анализирует в своей книге этот феномен китайской национальной культуры на основе довольно глубокого научного исследования, опирающегося на знание как древнего, так и современного языка и культуры Китая, что позволило широко использовать китайские первоисточники. Все это убеждает читателя в точности содержания раскрытой тайны.

При весьма скупом лингвистическом оформлении (весь свод 36 стратагем включает в себя лишь 138 китайских иероглифов, т. е. одна стратагема записана четырьмя, а иногда тремя иероглифами, составляющими идиоматическое выражение), стратагемы олицетворяют собой квинтэссенцию тысячелетнего опыта народа и дают широкий простор для разнообразных толкований. При этом смысл стратагемы для некитайского читателя обязательно нуждается в пояснении, наглядном примере, иначе тонкие намеки некоторых стратагем-метафор останутся непонятыми.

Из всего свода совершенно неизвестных на Западе 36 китайских стратагем профессор Зенгер для начала взял первые 18 и показал читателю их смысл и происхождение. Стратагемы, составляющие первую половину трактата, вошли в первый том труда Зенгера. Правда, следует оговориться, что такое механическое деление корпуса «Трактата о 36 стратагемах» было довольно условным. Позже профессор Зенгер отмечал, что первоначально он собирался опубликовать перевод «36 стратагем» с комментариями, но затем пришел к выводу, что интереснее сделать сравнительное исследование о

стратагемах на Востоке и на Западе. Следует отметить, что и такие стратагемы, как «Прекрасная дама» (№ 31) или «Открытые городские ворота» (№ 32), приводимая автором в Прологе, как и каждая из второй половины трактата, по нашему мнению, не менее интересны и поучительны.

Например, Стратагема № 20 подтверждает обоснованность вывода о том, что стратагемы существуют у всех народов. Она носит выразительное название «В мутной воде ловить рыбу». Вспомним, что эта идиоматическая метафора существует практически во всех европейских языках (сравни немецкое: *im trübten fischen*; английское: *fish in troubled waters*). Наконец, вполне «общечеловечески» звучит и название последней, 36-й стратагемы: «В абсолютно безнадежной ситуации лучшая стратагема – спастись бегством».

Иллюстрируя применение анализируемых им стратагем, автор приводит более 250 примеров из военной истории Китая, классических произведений художественной литературы, исторических трактатов разных эпох, а также из современных публикаций. Еще в своей первой статье на эту тему он отмечал, что в период «культурной революции» в Китае чаще всего использовались такие стратагемы, как: «Извлечь нечто из ничего», «Убить чужим ножом», «Указывая на шелковицу, обвинять акацию». Но при этом Харро фон Зенгер не бросает читателя в океане китайской действительности, а постоянно дает ему твердую почву привычных фактов европейской и американской истории и культуры. По-

этому на страницах книги встречаются имена Вольтера и Ги де Мопассана, Франклина Делано Рузвельта и Ли Харви Освальда, В. И. Ленина и Милована Джиласа, И. В. Сталина и М. Н. Тухачевского и многих, многих других представителей «евроатлантической» и евразийской цивилизаций. Благодаря компаративному характеру исследования усиливается увлекательность в изложении материала. Книга дает многостороннее представление о пока что труднодоступной для понимания европейцев богатейшей духовности китайского народа и своеобразии его психологии⁵⁴.

Познакомившись со стратагемностью, каждый из нас, естественно, начнет припоминать, а не был ли он жертвой какой-либо стратагемы, может быть и не понимая этого. По этому поводу можно сказать, что, например, на межгосударственном уровне отношения нашей страны с Китаем испытывали на себе в период 1960–1970-х годов влияние китайской стратагемности. В начале расхождений с СССР Мао Цзэдун, который блестяще владел стратагемными методами, призывал сосредоточить усилия на Советском Союзе, чтобы ликвидировать социалистический лагерь. Девизом ки-

⁵⁴ Более глубокое исследование этой проблемы было сделано профессором Николаем Алексеевичем Спешневым. См. его работы: Дискуссия об этнопсихологии китайцев (Восток-Запад. Историко-литературный альманах 2005–2006. Под ред. ак. В. С. Мясникова. М., «Восточная литература», 2006. С. 231–259 и Приложение – Ли Цзунъю. «Наука о бесстыдстве и коварстве» (с. 260–268). Его же. Перевод с китайского книги: Линь Юйтан. Китайцы. Моя страна и мой народ. М., «Восточная литература», 2010. Его же. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., «Каро», 2011.

тайской дипломатии стали слова Мао Цзэдуна: «Бей по голове, остальное само развалится». Но ведь это – название Стратегемы № 18 из «Трактата о 36 стратегемах». Позже шестая стратегема: «На востоке поднимать шум, на западе нападать» – также была использована китайской внешнеполитической пропагандой, которая приписывала этот хитроумный замысел советскому руководству. Дескать, оно только делает вид, что борется с Китаем, а на деле готовит удар против Запада. Так пекинская дипломатия «загоняла» (любимое выражение Бисмарка) европейских союзников в свой лагерь.

Наконец, возникает вопрос: а создает ли в наше время кто-либо новые стратегемы, или мы как-то ограничены рамками 36 стратегем? Разумеется, попытки создания новых стратегем возможны. Так, еще в «Китайско-английском словаре терминов в области политики, военного дела и культуры», подаренном ему австралийским другом, Харро фон Зенгер обнаружил в дополнение к 36 еще 40 стратегем. Современные китайские словари стратегем, как говорилось выше, содержат и сотни, и тысячи стратегем. Но следует сразу же оговориться, что на пути создателей новых стратегем стоит тот факт, что классические стратегемы могут выступать в каких-то сочетаниях своих элементов или частей, давая варианты. Количество таких вариантов будет равно 236, т. е. около 68 миллиардов. Это меньше, чем количество вариантов в шахматах, но, тем не менее, достаточно для того, чтобы в известной степени ограничивать создание прин-

ципиально новых стратагем. Вместе с тем если не считаться с чисто спортивным интересом в попытках стратагемотворчества, то упомянутое количество стратагем и их вариантов вполне достаточно для их использования во всех областях жизни.

* * *

В ноябре 2002 г. я побывал в замечательном китайском городе Чэндэ. Он расположен менее чем в трехстах километрах к северо-западу от Пекина. Со второй половины XVII столетия и до 1911 г. здесь находилась летняя резиденция императоров династии Цин, куда монархи и двор перебирались на лето, спасаясь от столичной жары. В те времена сам город и прилегающая местность носили название Жэхэ. Поскольку эта местность простерлась в центре горного массива Яньшань, летние температуры здесь на 6–8 градусов ниже, чем в Пекине. Находясь в своей резиденции в Жэхэ, императоры активно занимались и внутренней и внешней политикой. В середине XVIII века здесь император Цяньлун (1736–1795) принимал русского посланца Василия Братищева и курьера И. И. Кропотова⁵⁵. И именно здесь в 1858 г. императором Сяньфэном (1821–1861) был ратифицирован Айгунь-

⁵⁵ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI. 1752–1765. М., «Памятники исторической мысли», 2011. С. 185–186, 191–192, 295–298.

ский договор с Россией.

Комплекс императорского дворца великолепно сохранился, у главных ворот, через которые входят посетители, я кроме вывески музея обнаружил и еще одну, оповещающую, что на территории бывшего дворца располагается «Общество по изучению стратегий». «Что может быть прекраснее, чем изучать искусство разрабатывать стратегию и составлять страгемы на территории исторического памятника, где много поколений предшественников только этим и занимались!» – подумал я. Сеть таких обществ, членами которых являются сотни тысяч людей, раскинулась по всему Китаю. Ныне все сотрудники государственных и партийных органов изучают страгематику в специально организованных для них семинарах. Я упомянул о чэндэском потому, что помещение для него выбрано на редкость удачно.

Посетив во время того же визита одну из прекраснейших жемчужин в ожерелье исторических мест Китая – город Ханчжоу, я побывал в местном магазине исторической литературы. Сознаюсь честно, глаза разбегались, как в пещере Аладдина. Хотелось увезти с собой все эти книжные полки, хранившие страгемное богатство. Но пришлось ограничить себя приобретением двух книг: 12-томного коллективного труда «36 страгем»⁵⁶ и четырехтомной, изданной

⁵⁶ Саньшилю цзи. (Ча ту бань). Цзюань 1–12. // 36 страгем. (Иллюстрированное издание). Т. 1–12. Составители Ци Хунчжи, Лун Фэн. Изд. Шидай вэньи чубаньшэ, Чанчунь, 2001. В редколлегию этого издания входит 19 специалистов.

в виде старинного ксилографа также коллективной работы «36 стратагем»⁵⁷. Если первая из этих книг носит популяризаторский характер, то вторую отличает глубокий исследовательский подход.

Спустя год в Шанхае в книжном магазине на главной торговой улице Наньцзинлу из огромного числа «стратагемной» литературы я, как наиболее свежую, выбрал книгу «Расшифровка 36 стратагем», предназначенную для военных⁵⁸.

Рассказываю обо всем этом, чтобы подчеркнуть, что рынок такого рода литературы в Китае поистине неисчерпаем, так как постоянно насыщается трудами упомянутых выше обществ по изучению стратагем.

Но в рыночной экономике предложение определяется спросом. Во «Введении» ко второму тому своей книги Харро фон Зенгер подробно описывает распространенность стратагем в современном китайском обществе. Он останавливается и на дискуссиях о моральных сторонах использования стратагем, ссылаясь на многочисленные публикации в китайской печати. Это обилие исходного материала и позволило Харро фон Зенгеру почти вдвое увеличить объем второго тома по сравнению с первым, хотя его анализ охватывает издания, вышедшие в свет до 1999 г. Хочу заметить, что

⁵⁷ Санышилю цзи // 36 стратагем. Сост. Ван Цзянминь. Т. 1–4. Изд. Чжунго вэньши чубаньшэ, Пекин, 2002. Над этим четырехтомником трудились 77 специалистов.

⁵⁸ «Санышилю» цзеду // Расшифровка «36 стратагем». Сост. Мао Юаньгу, Сюй Чуцяо. Изд. Цзефанцзюнь вэньи чубаньшэ, Пекин, 2002.

в наступившем XXI столетии поток литературы, журнальных и газетных выступлений продолжает увеличиваться. И не только в Китае. Во Вьетнаме, Южной Корее, Японии стратегематика получила весьма бурное развитие⁵⁹.

На мой взгляд, наиболее убедительное объяснение этому явлению дает исследовательница из Новосибирска Т. Г. Завьялова, которая отмечает, что «в настоящее время в странах Восточной Азии не только изучают и издают в широком масштабе литературу, посвященную стратегемам, но происходят процессы популяризации и внедрения исторического опыта стратегем в массовое сознание. Вероятно, возрождение традиционной культуры стратегем и стратегемного мышления характеризует процессы трансформации культуры Дальневосточного региона в условиях глобализации и на-

⁵⁹ Сошлюсь лишь на некоторые японские издания из списка, любезно присланного мне Т. Г. Завьяловой: Фунабаси Харуо. Учимся по классике искусству управления: «Тридцать шесть стратегем». Токио, акционерное общество «Вэджи», 2008. 296 с.; Масуми рё. По 36 примерам японо-китайского бизнеса учимся правилам ведения бизнеса с китайцами: тридцать шесть стратегем. Токио, акционерное общество «Дисукава: туэнтиван», 2008. 216 с.; Идзуми Кадзуюки. В безвыходной ситуации выход есть! Токио, акционерное общество «Пурэдзидэнтто», 2001. 320 с.; Юаса Кунихиро. Классика для начинающих. Китайская классика: Суньцзы и Тридцать шесть стратегем. Токио, АО научное издательство Кадогава, 2008. 272 с.; Мория Хироси. 36 стратегем. Токио, АО «Санкасаёбо», 2004. 224 с.; Тадахико Такэока. Манга «36 стратегем». Токио, АО «Сю: эй», 1998, 344 с.; Кайхан Криппендорф. Стратегемное мышление в трактате «36 стратегем». Токио, изд-во «Дайямондо», 2008. 380 с.; Введение в стратегемы, используемые в стратегическом управлении. Нисимура Кокки. Токио, изд-во «То: ё: кэйдзай», 2002. 180 с.; Мураяма Макото. Китайские военные стратегемы от Суньцзы до Мао Цзедун. Токио, изд-во «Токукан», 1979. 250 с.

сильственной вестернизации, формирование новой парадигмы национальной и культурной самоидентификации»⁶⁰.

Т. Г. Завьялова попыталась не только осмыслить причины появления нового огромного массива научной и научно-популярной литературы в Китае, но и решила сделать очень важный шаг по систематизации этого массива с точки зрения жанровых особенностей, содержания, времени написания и степени научности издания⁶¹. Она разработала рубрику для классификации печатной продукции, посвященной стратагемам или содержащей важную информацию о них. С любезного согласия Т. Г. Завьяловой приведем и проиллюстрируем лишь некоторые разделы этого рубрикатора.

Первоисточники (не включая философские и литературные классические каноны). К этой категории относятся новые издания трактатов «Гуй гу цзы» («Философ долины демонов») и «Фан цзин» («Канон о сокровенном»), знаменитого труда Сыма Гуана «Цзычжи тун цзянь» («Всепроникающее зеркало, управлению помогающее»)⁶², а также «Чжи

⁶⁰ Завьялова Т. Г. «Канон о сокровенном» Чжао Жуя // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 1. Вып. 2. Востоковедение. Новосибирск. 2002. С. 31.

⁶¹ Там же.

⁶² Эта грандиозная энциклопедия, охватывающая все стороны управления государством, была переведена на русский язык нашим знаменитым китаеведом Н. Я. Бичуриным в начале XIX столетия. Подробнее см.: Мясников В. С., Попова И. Ф. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию: к 225-летию со дня рождения чл. – корр. Н. Я. Бичурина // Вестн. РАН. 2002. Т. 72, № 12. С. 1099–1106.

шу» («Книг мудрости») эпохи династии Мин (1368–1644).

Издания трактатов «36 стратагем», «Сунь-цзы бинфа» и литература, посвященная этим памятникам. В этом разделе насчитывается 16 изданий, вышедших в период с 1995 по 2002 г.

Трактаты школы военных философов и литература, им посвященная. Сюда входят и многотомные собрания вроде «Лидай минжэнь цзимоу вэньку» – «Собрание стратагем выдающихся исторических личностей» (12 томов, Тайбэй, 1996), где в 6-м томе находится трактат Сун Биня, а в 12-м – трактат У-цзы.

Литература, посвященная стратагемам в философской классике. В этом разделе следует отметить две серии. Первая издана в г. Ухань в 1998 г., ее главным составителем является Юань Чжун. Она носит название «Чжунго чжимоу цзуншу» («Библиотечка китайских стратагем»). Ее назначение показать взаимосвязь стратагематики с различными философскими школами и течениями древнего и средневекового Китая. Вторая серия была издана в Тайбэе в 1999 г. Она гораздо объемнее первой и насчитывает свыше двух десятков томов. Ее заглавие «Чжихой жэньшэн» («Сообразительность в жизни»). Все тома также содержат массу примеров использования стратагем выдающимися философами прошлого.

Литература, посвященная стратагемам в 4-х классических романах и других литературных произведениях.

ях. Здесь издатели также пошли по пути публикации серий. Так, в 1998 г. издательство провинции Хэнань («Хэнань жэньминь чубаньшэ») предложило своим читателям серию с весьма привлекательным названием «Чжиши минчжу цзуншу» («Библиотечка разума знаменитых сочинений»). Стратегемы «извлекались» из таких действительно знаменитых во всем мире классических романов, как «Си ю цзи» («Путешествие на Запад»), «Хунлоу мэнь» («Сон в Красном тереме»), «Шуйху чжуань» («Речные заводы»), «Саньго чжи» («Троецарствие»). Близким к этой серии явился и изданный на Тайване в 1998 г. многотомник «Ши юн лиши» («Использовать историю»), в котором 8-й том был посвящен стратегемам в летописи «Чуньцю» («Весны и осени»), а 9-й – в романе «Троецарствие». Наконец, в 2000 г. в Пекине была издана серия, в которой нашли свое место стратегемы из всех вышеперечисленных романов⁶³.

Словари и издания общего характера. Например, в 1993 г. в Пекине вышел первый, а в 1995 г. второй том «Словаря китайских стратегем»⁶⁴. Аналогичный словарь в 2000 г. был издан в Шанхае⁶⁵. Интересны биографические словари

⁶³ Серия «Моюю цинхуань чжиши жэньшэн» («Магия стратегем как руководство в жизни»). Изд. «Фанцзун чубаньшэ», Пекин, 2000.

⁶⁴ «Чжунго моулюэ дадянь». Сост. У Цзинтянь. Изд. Гоцзи вэньхуа чубань гунсы. Т. 1–2. 1993–1995. 1037 с.

⁶⁵ «Цзимоу шидянь» («Практический словарь стратегем»). Сост. Ма Чжуаньшэн, Лю Вэньфу. Изд. Ханьюй дацзидянь чубаньшэ. Шанхай, 2000. 679 с.

известных стратагемщиков⁶⁶. А в предназначенной для детей серии наряду с книгами поговорок и басен опубликовано и пособие «500 образцовых стратагем»⁶⁷. Занятный прием привлечения интереса публики к стратагемам использовало издательство газеты «Гуанмин жибао»⁶⁸. Оно выпустило в свет четырехтомник под заглавием «Синь Цзычжи тунцзянь»⁶⁹, т. е. некую перелицовку или, как теперь принято называть, *ремейк* классического труда Сыма Гуана, о котором мы упоминали выше. Все четыре тома имеют раздел «исторические прецеденты», раскрывающий содержание стратагем, планов и методов в управлении государством, и раздел «исторические деятели», содержащий отрывки и афоризмы из произведений философской и литературной клас-

⁶⁶ «Моулюэ цзя» («Стратагемщики»). Сост. Мао Чжэньфа и др. Изд. Ланьтянь чубаньшэ. Т. 1–2. Пекин, 1993. 606 с. В 1995 г. этот словарь вышел четвертым изданием. «Моулюэ цзя» («Стратагемщики»). Сост. Цзы Юцю. Изд. Ланьтянь чубаньшэ. Т. 1–2. Пекин, 1996–1998. Этот объемный труд (первый том 1392 с.) Цзы Юцю, работавший заместителем секретаря Всекитайского совета военных наук и являющийся членом Всекитайского общества изучения международной стратегии, пополнил и такими книгами, как «Мао Цзэдун да чжимоу» («Великая стратагема Мао Цзэдуна»), «Моулюэ лунь» («Теория стратагем»), ответственным редактором которых он является.

⁶⁷ «Чжимоу 500 ле» («500 примеров стратагем»). Сост. Чжан Янь, Жань Цзюйхой. Чунцин чубаньшэ. Чунцин, 2001. 500 с.

⁶⁸ «Гуанмин жибао» – основная газета китайской интеллигенции, типа нашей «Литературной газеты».

⁶⁹ «Синь Цзычжи тунцзянь» («Новое Всепроницающее зеркало, управлению помогающее»). Главн. сост. Ван Вэйго. Изд. «Гуанмин жибао чубаньшэ». Т. 1–4. Пекин, 1997. (Т. 1 – 978 с., т. 2 – 934 с., т. 3 – 951 с., т. 4 – 961 с.).

сики. Кроме того, каждый из томов включает в себе по три раздела. Первый том – «Управление государством», «Политика трудолюбия и бережливости», «Политика неподкупности». Второй том – разделы «Использование кадров», «Исполнение законов», «Внимание к советам и речам». Третий – «Составление стратагем и планов», «Исправления и новации», «Успокоение народа», в него полностью включен трактат «36 стратагем». Наконец, четвертый том посвящен самовоспитанию – «Дела в соответствии с Дэ» (воспитание характера), «Обучение талантов», «Домострой».

Разумеется, все части этого рубрикатора тесно связаны друг с другом и каждая из них наполнена огромным количеством литературы. Задача, которую поставила перед собой Т. Г. Завьялова, – подготовить сводный библиографический справочник по стратагематике. Сегодня выполнение этой грандиозной задачи частично облегчается Интернетом. В Сети содержится значительное количество информации об издательствах различных стран, выпускающих книги о стратагемах. Старое правило гласит: «Наука начинается с систематизации». Думаю, что наше китаеведение уже сделало первые шаги на «пути в 10 тысяч *ли*», который приведет нас к многоярусной пагоде, носящей поэтическое название «Сокровищница китайской стратегической мысли». Взойти на вершину этой пагоды будет гораздо труднее, чем проделать тернистый путь к ней. Но девизом всех дерзающих должно быть древнеримское правило: «*Per aspera ad astra*» – «Через

тернии к звездам».

* * *

Издание книги Харро фон Зенгера на русском языке имеет свои особенности. Дело в том, что наша страна имеет давнюю китаеведческую традицию, какой не располагают, скажем, не только Турция или государства Латинской Америки, но и США, где были опубликованы переводы зенгеровских «Стратагем». Наши китаеведы успели, если перефразировать известные строки Б. Окуджавы, сорок тысяч разных книжек написать. Русский читатель знаком с фундаментальными трудами академиков В. П. Васильева, В. М. Алексеева, Н. И. Конрада, С. Л. Тихвинского. В предисловии к первому изданию его книги на русском языке Харро фон Зенгер признал, что автор этих строк «может считаться пионером китаеведческих стратагемных исследований на Западе»⁷⁰.

Что касается термина «стратагемы», то он пришел к нам как византийское наследие. Видный дипломат эпохи Петра Великого серб на русской службе Савва Лукич Владиславич был родом из Дубровника, где он получил классическое образование, владел греческим и итальянским языками, затем

⁷⁰ Харро фон Зенгер. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия. Перев. с немецкого А. В. Дыбо. Общая редакция, вступ. статья и комментарии В. С. Мясникова. М., «Прогресс», «Культура», 1995. С. 19.

не один год жил в Константинополе. В 1727 году, будучи главой посольства в Китай и ведя переговоры с цинскими дипломатами, он разгадал, что они используют против него стратагемы. «И сию вторую стратагему они чинили, чем бы меня обмануть», – писал он в своем «Статейном списке»⁷¹.

XIX столетие также оставило нам свидетельство использования в нашей стране термина «стратагемы». «Во время пребывания Пушкина в Оренбурге, в 1836 году, один тамошний помещик приставал к нему, чтобы он написал ему стихи в альбом. Поэт отказывался. Помещик выдумал **стратагему**, чтобы выманить у него несколько строк. Он имел в своем доме хорошую баню и предложил ее к услугам дорогого гостя.

Пушкин, выходя из бани, в комнате для одевания и отдыха нашел на столе альбом, перо и чернильницу. Улыбнувшись шутке хозяина, он написал ему в альбом: «Пушкин был у А-ва в бане»⁷².

Басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» была наглядным примером «бытовой» стратагемы. В. И. Даль в своем «Толковом словаре...» отнесся к термину **стратагема** как к одному из слов **живого** великорусского языка, не нуждающемуся в комментариях, и дал только два его значения: *военная*

⁷¹ АПРИ, ф. Сношения России с Китаем, 1727, д. № 9, л. 10.

⁷² Шутки и остроты А. С. Пушкина. СПб., 1899. Цит. по: Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. М., 1990. С. 223.

*хитрость, обман*⁷³.

На сегодняшний день в русских переводах имеется значительное число произведений китайской классической литературы. Например, широко цитируемые Харро фон Зенгером и наиболее «стратагемные» романы «Троецарствие» и «Путешествие на Запад» выдержали по два издания на русском языке. В конце 1990-х годов в Иркутске появилось новое русское издание романа «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй».

Более того, на рубеже XX и XXI столетий в России начала развиваться и стратагематика. Свидетельством тому является издание выполненного В. В. Малявиным перевода трактата «36 стратагем»⁷⁴. Одновременно в Петербурге появилась в переводе с английского антология трудов по военной стратегии Древнего Китая⁷⁵. Но постепенно акцент такого рода исследований начал смещаться с зенгеровской формулы «искусство жить и выживать» к парадигме «как жить и властвовать».

Именно под таким названием вышла в свет любопытная книга арабиста А. А. Игнатенко⁷⁶. За ней последовала публикация подготовленной Л. С. Васильевым своеобразной хре-

⁷³ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4. М., 1944. С. 562.

⁷⁴ Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха. Перев. с кит. В. В. Малявина. М., 1998.

⁷⁵ У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб., Евразия, 1998.

⁷⁶ Игнатенко А. А. Как жить и властвовать. Секреты успеха, добытые в старинных арабских назиданиях правителям. М., «Прогресс», «Культура», 1994.

стоматии по восточным политическим стратегемам⁷⁷. Год спустя появилась книга переводов древних китайских трактатов, озаглавленная «Искусство властвовать»⁷⁸. И как бы в продолжение темы была издана «Книга дворцовых интриг», содержащая специально подобранные фрагменты из китайской литературной классики⁷⁹. Наконец, В. Малявиным переведен и «Военный канон в ста главах»⁸⁰.

Если Линь Юйтан связал «36 стратегем» с учением Лао-цзы, то не менее интересный вклад в осмысление трактата «36 стратегем» внес студент Русской христианской гуманитарной академии в С.-Петербурге Алексей Валерьевич Столяров. Он утверждал, что «трактат «36 стратегем» представляет собой детально проработанную модель Поднебесной. Проходящие в ее пределах процессы показаны через динамику борьбы двух династий – нарождающейся и теряющей свои позиции. Основой создания трактата является «Чертеж Великого предела»⁸¹.

⁷⁷ Политическая интрига на Востоке. Отв. ред. Л. С. Васильев. М., 2000.

⁷⁸ Искусство властвовать. Ди Гоу (XI в.). План обогащения государства. План усиления армии. План успокоения народа. Перев. З. Г. Лапиной. Лю Шао (III в.). О человеческом существе. Перев. Г. В. Зиновьева. М., 2001.

⁷⁹ Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае. Под общ. ред. Д. Н. Воскресенского. М., 2002.

⁸⁰ Цзе Сюань. Военный канон в ста главах. Вступ. статья, перев. с кит. и комментарии В. Малявина. М., «Европа», 2011.

⁸¹ Столяров А. В. Искусство стратегем // Восток – Запад. Историко-литературный альманах. 2009–2010. С. 151–168.

Появились и некоторые издания, которые содержат положения близкие стратагемам, они созданы как бы по мотивам стратагем, их можно расценить как попытки стратагемотворчества. К таким книгам относится переведенный с английского солидный фолиант «48 законов власти» Р. Грина⁸². Автор признается, что в Италии в художественной школе Fabbrica ему открылась «непреходящая актуальность Макиавелли»⁸³. При этом он подчеркивает, что источниками для его труда послужили документы, созданные «цивилизациями далекими и несопоставимыми, такими как Древний Китай и Италия эпохи Возрождения»⁸⁴.

Следует заметить, что наряду с интересом к восточным школам стратегий в нашей стране наметился и устойчивый спрос на труды Н. Макиавелли и его последователей. Упомянем здесь лишь несколько последних изданий, таких как «Этика Макиавелли»⁸⁵, «Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. Статьи, суждения, библиография»⁸⁶, и, наконец, изданные в одном томе «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь» самого Н. Макиавелли⁸⁷.

⁸² Грин Р. 48 законов власти. М., 2003.

⁸³ Там же, с. 5.

⁸⁴ Там же, с. 29.

⁸⁵ Юсим М. А. Этика Макиавелли. Отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1990.

⁸⁶ Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. Статьи, суждения, библиография. Под общ. ред. П. Баренбойма. М., 2001.

⁸⁷ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002.

И все же китайские «Стратегемы» занимают приоритетное место у читающей публики, а открытие их как важнейшего компонента китайской политической мысли и общественного сознания, как секретного оружия Востока, признано одним из серьезных достижений академической востоковедной науки в нашей стране⁸⁸. Таким образом, наша читательская аудитория лучше подготовлена к знакомству со «Стратегемами» Харро фон Зенгера при их полном издании. Учитывая это, при подготовке рукописи первого тома мы стремились дать адекватные уже имеющимся русским переводам названия, имена собственные, понятия.

При этом, стараясь избежать двойного перевода, т. е. с китайского на немецкий, а затем с немецкого на русский (еще академик В. М. Алексеев показал несостоятельность попыток переводить русскую литературу на китайский язык не с оригиналов, а с английских и немецких переводов), использовали готовые фрагменты из уже имеющихся русских изданий. Во всех случаях это оговорено в комментариях. Тот же метод был применен и для передачи довольно многочисленных цитат из трудов Мао Цзэдуна. Мы отсылаем читателя именно к сделанному в Китае официальному переводу на русский язык сочинений Мао Цзэдуна. И, наконец, чтобы читателю было легче ориентироваться, мы применяли уже ставшие привычными названия литературных произве-

⁸⁸ См.: Губарев В. С. Фантастика в чертежах. Судьба науки и ученых в России. М., 2003. С. 377–391.

дений. Например, роман «Шуй ху чжуань» имеет адекватное русское название «Речные заводи», поэтому мы сочли возможным отказаться от используемого Х. Зенгером немецкого названия «Разбойники с Ляншаньских болот»⁸⁹.

Литературное редактирование первого тома «Стратагем» было выполнено Светланой Даниловной Марковой. Перевод второго тома и его комментирование сделал Александр Гарькавый, который также придерживался упомянутых выше принципов использования готовых фрагментов из русских переводов китайской классики. Так, например, отрывки из «Бесед и суждений Конфуция» даются по работе А. С. Мартынова⁹⁰, а «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы цитируется в переводе академика Н. И. Конрада, а иногда отсылка идет к хрестоматии В. В. Малявина⁹¹.

Выход в свет в 1995 г. перевода на русский язык первого тома «36 стратагем» стал заметным явлением. В журналах и газетах появились положительные отклики. Читающая публика говорила, что книга Харро фон Зенгера захватывает, как «Тысяча и одна ночь». Тираж разошелся очень быстро, и книга стала большой редкостью. На встречах с читателями и в письмах, приходивших в мой адрес, чаще всего задавался

⁸⁹ Перевод названия этого романа, например, на английский язык звучит как «All Men Are Brothers» – «Все люди братья».

⁹⁰ Мартынов А. С. Конфуцианство. Лунь юй. Перевод А. С. Мартынова. Т. 1–2. СПб., 2001.

⁹¹ Каноны. Китайская наука стратегии. Составитель В. В. Малявин. М., Белые альвы, 1999.

вопрос: «Когда же будет опубликовано продолжение?»»

В 1994 г. профессор Харро фон Зенгер опубликовал две книги: «Введение в правовую систему Китая» (в Германии) и в Швейцарии – монографию о международном частном и процедурном праве КНР. Административная должность декана факультета, как он признавал, дала ему возможность на практике следить за стратагемностью поведения окружающих и одновременно обсуждать эту проблему со специалистами по различным дисциплинам. После публикации двух упомянутых книг уже прославленный автор взялся за подготовку второго тома «Стратагем», который и увидел свет в 2000 г.⁹².

В 2004 г. издательство «Эксмо» выпустило «Стратагемы» Харро фон Зенгера в двух томах⁹³. Теперь это же издательство предоставило читателям возможность познакомиться с изданием труда нашего швейцарского коллеги в одном томе, что значительно облегчает пользование им. Надеюсь, что читающая публика по достоинству оценит этот том.

В. С. Мясников

⁹² Harro von Senger. Stratageme. Band II. Die berühmten 36 Strategeme der Chinesen – lange als Geheimwissen gehütet, erstmals im Westen vorgestellt. Scherz, 2000.

⁹³ Харро фон Зенгер. Стратагемы. Т. 1. Стратагемы 1–18, т. 2. Стратагемы 19–36. М., «Эксмо», 2004.

К русскому читателю

Китайская цивилизация является одновременно и китайской и общечеловеческой, ибо китайцы, являясь китайцами, в то же время суть просто человеческие существа. Одна из выдающихся отраслей китаеведческих исследований (которую можно было бы назвать «китаеведческие исследования, объясняющие Китай») сосредоточивает свое внимание на типично китайских чертах китайцев, т. е. на том, что считается специфически характерным для Китая. Этот тип китаеведческих исследований нацелен на то, чтобы мы поняли Китай. Я же в этой книге подчеркиваю другой аспект китаеведения: существуют китаеведческие исследования, при-

дающие особое значение тем аспектам китайской культуры, которые являются частью культуры всего человечества; китаеведение служит не только для изучения китайского народа, но и для лучшего понимания рода человеческого в целом. «Воспринимающее китаеведение» ставит своей целью определить приемлемые для остального человечества разделы китайской культуры и знаний, с тем чтобы перенести их в наши страны, и таким образом мы могли бы заполнить пробелы в нашей цивилизации и обогатить наши знания.

Такой подход может быть очень успешно проиллюстрирован изучением китайских стратагем. Стратагемы, т. е. *неортодоксальные* пути к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей, представляются общечеловеческим феноменом. Однако, в связи с некоторыми культурными и религиозными условиями, на Западе почти отсутствуют исследования по этой теме. Понимание стратагемности на Западе развито слабо. Представители Запада – до определенной степени – поражены «стратагемной слепотой», хотя в своей повседневной жизни они постоянно являются жертвами стратагем и часто сами применяют их в зависимости от ситуации, иными словами, без всякой теории и без подлинного предварительного расчета.

С другой стороны, в Китае никогда не налагалось табу на хитроумные планы до такой степени, как это делалось на Западе. Там традиционно существовала большая, чем на Западе, свобода в этой области. Китай, по-видимому, являет-

ся единственным местом в мире, где стратагемы когда-либо были распределены по категориям и получили собственные названия (в форме каталога 36 стратагем). Основное намерение автора этой книги – показать возможность универсального применения китайской стратагемности (учения о хитроумных планах) на любом поприще и в любой стране для исследовательских и практических целей. То, что это намерение уже приносит плоды, подтверждает книга «Хитроумный Иисус», написанная швейцарским протестантским священником, который использовал 36 китайских стратагем для раскрытия хитроумия Иисуса. Пусть русское издание «Стратагем» вдохновит исследование таких проблем, как «хитроумные замыслы в политике», «стратагемная социология», «психология коварных замыслов», «мотив лукавства в литературе», «философия хитрости».

Первым западным деятелем, который когда-либо упомянул, применительно к Китаю, термин «стратагема», был русский дипломат начала XVIII в.⁹⁴ Это – открытие моего дорогого коллеги профессора В. С. Мясникова, кто, таким образом, может считаться пионером китаеведческих стратагемных исследований на Западе. Поэтому я особенно горд и глубоко благодарен профессору В. С. Мясникову за его огромные усилия, направленные на выход в свет русского издания

⁹⁴ Речь идет о выдающемся русском дипломате С. Л. Владиславиче-Рагузинском, который в 1727 г. писал о китайских сановниках: «И сию вторую стратагему они чинили, чем бы меня обмануть» (АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, 1727, д. № 9, л. 10) (В. М.).

этой книги.

Эта книга стремится преподать Китайское Искусство Хитроумия, но в основе ее лежит дух высказывания китайского мыслителя Хун Цичэна: «Сердце, которое хочет нанести вред другим, не подлежит прощению, но сердце, заботящееся о других, совершенно необходимо». Я хочу, чтобы эта книга помогла русским читателям быть «простыми, как голуби», но в то же время «мудрыми, как змии» (Иисус⁹⁵).

ХАРРО ФОН ЗЕНГЕР

Фрейбург, апрель 1993 г.

⁹⁵ Выражение из Евангелия (Мф., 10, 16). Обращаясь к апостолам, Иисус сказал: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (В. М.).

Пролог

Стратегема открытых городских ворот

Советник Кун Мин, прозванный также Чжугэ Ляном⁹⁶, был послан с 5000 солдат в Сичэн, чтобы перевезти находив-

⁹⁶ *Чжугэ Лян* – полководец эпохи Троецарствия (192–265 н. э.). Это был период падения Ханьской империи и жестоких междоусобиц в Китае. Со 192 г. борьбу за власть вели три главных претендента – военачальники Цао Цао, Лю Бэй и Сунь Цюань. Цао Цао назвал свои владения царством Вэй со столицей в г. Лоян. Обширные земли современных провинций Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, частично Шэньси, Ганьсу, Хэнань, Цзянсу, Хубэй, Аньхой составляли территорию царства Вэй, которое захватывало и часть Южной Маньчжурии и Северной Кореи. Цао Пэй, сын и преемник Цао Цао на престоле Вэйского царства, в 220 г. низложил последнего императора династии Поздняя Хань. Эта дата считается иногда началом Троецарствия. Однако на деле три фактически независимых района страны появились в 192 г. Сунь Цюань дал своим владениям название царство У. Оно располагалось в южной и юго-западной частях страны, занимая территории пров. Хунань, Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Гуанси, а также южные части пров. Аньхой, Хубэй и Цзянсу. Столицей являлся г. Нанкин, называвшийся тогда Цзянье. Лю Бэй овладел западом Китая, т. е. территориями нынешних пров. Сычуань, частично Шэньси, Хубэй, Гуйчжоу и Юньнань. Нынешняя столица Сычуани г. Чэнду служил столичным городом и этому царству, называвшемуся Шу-Хань. Чжугэ Лян, первоначальное имя которого было Кун Мин, был выходцем из г. Яньду. Затем, спасаясь от бедствий, он бежал в г. Цзиньчжоу, где сам обрабатывал землю. Он стал сподвижником Лю Бэя и выдающимся стратегом царства Шу-Хань.

шиеся там припасы в Ханьчжун. Там к нему вдруг начали прибывать один за другим более десятка гонцов, скакавших во весь опор. Они сообщили, что вражеский военачальник Сыма И⁹⁷ из государства Вэй вступает в Сичэн с подобным осеннему рою войском в 150 000 человек. К этому времени при советнике Кун Мине не было уже ни одного военачальника, лишь штаб из штатских чиновников. Из 5000 солдат половина уже отбыла из Сичэна вместе с припасами. В городе оставалось не более 2500 солдат. Когда чиновники услышали это известие, лица их побледнели от ужаса. Советник Кун Мин поднялся на городскую стену и обозрел окрестности. И вправду, у горизонта небо было закрыто клубами пыли. Огромное войско вражеского военачальника Сыма И приближалось. Советник Кун Мин приказал:

– Снимите и спрячьте флаги и знамена с городской стены! Каждый воин пусть находится на своем посту! Сохраняйте тишину; ослушник, подавший голос, будет обезглавлен. Все четверо городских ворот распахнуть настежь! Пусть у каждого ворот подметают улицу двадцать солдат, переодетых горожанами. Когда подойдет войско Сыма И, пусть никто не действует самовольно. У меня есть для этого случая стратегема [цзи].

⁹⁷ Сыма И был командующим на службе у Цао Цао. В 263 г. царство Вэй разгромило Шу-Хань. Внук Сыма И – Сыма Янь – в 265 г. низложил потомка Цао Цао, третьего вэйского правителя и, провозгласив себя императором, дал своей империи название Цзинь. Покончив в 280 г. и с царством У, он восстановил единство Китая.

Затем Кун Мин накинул плащ из журавлиных перьев⁹⁸, надел коническую шелковую шапку и отправился на городскую стену в сопровождении двух оруженосцев, захватив с собой цитру с гнутой декой, и там уселся прямо на парапет одной из наблюдательных башен. Возжегши курение, он начал играть на цитре.

Между тем разведчики авангарда генерала Сыма И достигли городской стены и увидели все это. Никто из разведчиков не решился пройти дальше. Спешно вернулись они к Сыма И и сообщили об увиденном. Сыма И недоверчиво рассмеялся. Затем он приказал войскам остановиться. Сам он поехал вперед на быстрой лошади, чтобы издали посмотреть на город. И впрямь, там он увидел советника Кун Мина, который сидел на сторожевой башне городской стены с радостной улыбкой на лице и играл на цитре с гнутой декой среди дымков от курящихся благовоний. Слева от него стоял

⁹⁸ Реальные исторические персонажи периода Троецарствия превратились со временем в действующих лиц китайского героического эпоса; наиболее значительным произведением этого жанра был написанный в XIV в. роман Ло Гуаньчжуна «Троецарствие». Творчество Ло Гуаньчжуна протекало в период, когда в Китае заканчивалось правление чужеземной монгольской династии Юань. Верхи и низы общества были единодушны в стремлении восстановить правление национальной китайской династии. Поэтому не случайно Чжугэ Лян и Сыма И – борцы за объединение Китая – были возведены в ранг национальных героев, а один из военачальников той эпохи, Гуань Юй, был канонизирован в качестве «бога войны» – Гуань-ди. Чжугэ Лян, в свою очередь, был наделен выдающейся конфуцианской мудростью и способностями даосского мага. Его накидка из журавлиных перьев вызывала в народном представлении ассоциации с бессмертными даосскими святыми, поднимавшимися в небеса на журавлях.

оруженосец, который обеими руками держал драгоценный меч, справа – оруженосец с волосяным опахалом.

В проходе городских ворот и перед ними виднелось около двадцати простолюдинов, которые с опущенными головами невозмутимо подметали дорогу. Когда Сыма И разглядел все это, он пришел в сильное смущение. Он вернулся к своему войску, приказал авангарду и арьергарду поменяться местами и повернул на север, в направлении лежащих там гор. Его второй сын, Сыма Чжао, по дороге проговорил:

– Наверняка у Чжугэ Ляна не было воинов, потому он и разыграл эту сцену. Отец, почему вы отвели войско?

Сыма И отвечал:

– Чжугэ Лян известен своей предусмотрительностью и осторожностью. Еще никогда он не предпринимал ничего рискованного. Сегодня ворота города были широко открыты. Это определенно указывает на подвох. Если бы мои войска вступили в город, они, конечно, пали бы жертвой страгемы. Предпочтительно было побыстрее отступить.

И все войско Сыма И ушло. Кун Мин увидел, как вражеские отряды исчезают вдаль. Он рассмеялся и захолопал в ладоши. Все чиновники, бывшие с ним, были озадачены. Они спросили Кун Мина:

– Сыма И – знаменитый военачальник государства Вэй. Сегодня он привел сюда 150 000 отборных воинов, увидел вас, советника Шу-Хань, и поспешно отступил. По какой причине?

Кун Мин отвечал:

– Этот человек исходил из того, что я стараюсь вести себя предусмотрительно и осторожно и никогда не рискую. Увидев такую картину, он решил, что у меня множество воинов сидит в засаде. Поэтому он отступил. Вообще меня смущают отчаянные предприятия, но сегодня я искал спасения в таких действиях, так как не имел выбора.

Все чиновники в изумлении склонили головы и воскликнули:

– Стратегу советника не удалось бы разгадать даже при видении! Если бы не он, мы должны были бы просто сдать город и спастись бегством!

Кун Мин сказал:

– У меня ведь было только 2500 воинов. Если бы мы оставили город и бежали, конечно, далеко бы мы не ушли. Сыма И взял бы нас в плен.

В позднейшие времена было написано стихотворение, восхвалявшее это деяние:

«Цитра с гнутой декой, украшенная нефритом, длиною в три фута победила отборное войско, когда Чжугэ Лян в Си-чэне повернул врагов вспять. Поныне местные жители показывают это место. Там 150 000 человек повернули коней»⁹⁹.

⁹⁹ Этот эпизод считается классической иллюстрацией к тому положению «Трактата о военном искусстве» Сунь-цзы, которое гласило, что полководец должен быть «хозяином» войны. «У того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать», – учил Сунь-цзы. Как сбить нападающего с толку неожиданностью

своих действий, разрушить этим его планы – вот что демонстрирует Чжугэ Лян (см.: Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. М., 1977. С. 123–125). Литературная версия этой стратагемы изложена в романе «Троецарствие» (см.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., 1954. Т. 2. С. 439–449. На заставке тома читатель может увидеть и портрет Чжугэ Ляна). Сокращенное издание романа было опубликовано в 1984 г., в нем также имеется этот эпизод (см.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., 1984). В том и другом изданиях перевод выполнен В. Панасюком. Приводимое здесь стихотворение имеется в русском издании 1954 г. Оно звучит следующим образом (с. 449): Яшмовый цинь длиною в три чи храбрейшее войско рассеял. Так Чжугэ Лян заставил врага с позором уйти от Сичэна. Тысячи всадников в страхе большом коней повернули обратно. Слушая сказ об этих делах, дивишься тому неизменно.

Приобретение наложницы путем измерения земли

Один юноша, не достигший еще совершеннолетия, но весьма смысленный, рано лишился обоих родителей и жил под опекой своего дяди. Однажды юноша заметил, что у дяди очень обеспокоенный вид. Он стал расспрашивать о причинах этого. Дядя отвечал, что тревожится о том, что у него нет сына. Чтобы позаботиться о мужском потомстве, следовало бы взять в дом наложницу, но этого не хочет его супруга. Потому он и озабочен.

Юноша немного подумал, а затем сказал:

– Дядя, не печалься более. Я вижу способ добиться от тети согласия.

– Вряд ли у тебя что-нибудь получится, – недоверчиво проговорил дядя.

На следующий день с утра юноша взял портновскую линейку и стал мерить ею землю, начиная от двери дядиного дома, и занимался этим так упорно, что тетка выглянула из дома.

– Что это ты тут делаешь? – спросила она.

– Я обмеряю участок, – хладнокровно отвечал юноша и продолжал свое занятие.

– Что? Обмеряешь участок? – воскликнула тетка. – Что это ты волнуешься о нашем добре?

На это юноша с самоуверенной миной пояснил:

– Тетушка, это же само собой разумеется. Я готовлюсь к будущему. Вы с дядей уже не молоды, а сыновей у вас нет. Поэтому, конечно, ваш дом останется мне, вот я и хочу его обмерить, потому что собираюсь впоследствии перестраивать.

Тетка, раздраженная и разгневанная, не смогла ни слова вымолвить. Она побежала в дом, разбудила мужа и начала умолять его, чтобы он как можно скорее взял наложницу.

Введение

Как было найдено слово

«А что это такое – стратагема?» – спросил меня недавно один университетский профессор, когда я однажды упомянул в разговоре 36 китайских стратагем.

Начиная свой синологический доклад о 36 китайских стратагемах, прочитанный перед слушателями всех факультетов Цюрихского университета, я прежде всего поставил перед аудиторией вопрос: «Кто знает слово «стратагема»?» И в заполненном зале поднял руку лишь один слушатель, причем пожилого возраста.

Слово «стратагема» восходит к древнегреческому *strategema*, что означает военное дело вообще и в частности военную хитрость. Римский государственный деятель Секст Юлий Фронтин (до 103 н. э.) избрал для своего трактата название *strategemata* (множественное число от *strategema*). Этот почти двухтысячелетний трактат вышел в немецком переводе под заголовком «Военные хитрости» (*Kriegslisten*. Berlin-DDR, 1963; 3-е изд., 1987). В последний раз перед этим книга переводилась на немецкий в 1792 г., последнее английское издание относится к 1925 г. (имеются позднейшие переиздания). Кажется, что слово «стратагема» в ан-

гнийском языке куда более употребительно, чем в немецком; в *The Oxford English Dictionary*, Vol. X, Oxford, 1933, ему дается следующее толкование:

1. a. An operation or act of generalship; usually, an artifice or trick designed to outwit or surprise the enemy. (Военная операция или прием, обычно хитрость или уловка, предназначенная, чтобы ввести в заблуждение или заставить врасплох врага.)

1. b. In generalized sence: Military artifice. (В обобщенном смысле: военная хитрость.)

2. a. Any artifice or trick; a device or scheme for obtaining an advantage. (Любая хитрость или уловка; прием или интрига с целью достигнуть преимущества.)

2. b. In generalized sence: Skill in devising expedients; artifice, cunning. (В обобщенном смысле: изобретательность в поисках выхода; хитрость, изворотливость.)

Это слово, которое даже в «Немецком словаре» Я. и В. Гриммов (том 19 по переизданию 1984 г.) толкуется не более исчерпывающим образом, в пределах англосаксонского мира встречается не только в заглавиях книг по военному делу (см., например: Whaley B. *Stratagem – Deception and Surprise in War*. Cambridge, Massachusetts, Center for International Studies, 1969, или Bailey F. G. *Stratagems and Spoils: A Social Antropology of Politics*, Oxford, 1985), но и, скажем, в книгах психологической ориентации, как в рабо-

те А. Х. Чэпмена «Put-offs and Come-ons». New York, 1968 (немецкий перевод – Берн, 1969, под заголовком «Приемы против ближних»). В 1970 г. в Национальном театре в Лондоне шла пятиактная комедия «The Beaux' Stratagem», принадлежащая перу драматурга Жоржа Фаркуара (1678–1707). «Литературно-энциклопедический словарь» Киндлера (Цюрих, 1965) переводит заглавие, опуская слово «стратагема», как «Военная хитрость щеголя», хотя в ней идет речь всего лишь о брачной афере. Итак, мне представляется, что в английском и французском языках слово stratagem/stratageme определенно прижилось. Еще один пример: в «Записках тунейдца» (3-е изд. Цюрих, 1984) Ж.Р. фон Салис выводит на с. 304 некоего «человека, притворяющегося слепым», который, «наблюдая доверчивых окружающих из этого самодельного убежища, видит все людские уловки». Во французском издании (Parler au Papier. Lausanne, 1984) эта фраза выглядит как «qui se fait passer pour aveugle et qui, grvse a se stratagime, observe son entourage...»¹⁰⁰. Таким образом, и во французском тексте употребляется слово «стратагема», отсутствующее в немецком. Имеется, однако, и обратный пример пренебрежения феноменом стратагеми на ненемецкоязычном Западе: издатели монументальной «Новой Британской Энциклопедии» (30 т., 15-е изд. – 1981) не обнаружили в мире ни одной стратагеми. Напротив, «Grand Larousse

¹⁰⁰ Который притворяется слепым и который, благодаря этой стратагеме, наблюдает окружающих (*фр.*).

encyclopidique» (10 т. Париж, 1964) не пропустил словарной статьи «Stratagime».

В немецкоязычном мире слово *Strategem* влечит жалкое существование Золушки и употребляется в редчайших случаях – например, у Х. Г. Бека: «И стратагемы, военные хитрости, которыми человек обеспечивает себе выживание, вернее, чем дерзость и мужество» (*Byzantinisches Eroticon*. München, 1986. S. 182). Напрасно будет читатель разыскивать это слово в компактном издании «Большого Брокгауза» (26 т., 1984), или в *Meyers Neue Lexicon* (8 т., 1980), или в «Орфографическом словаре» Дудена (1980). Однако оно имеется в «Словаре иностранных слов» Дудена с толкованием «военная хитрость, прием, уловка», в «Немецком словаре» Варига с толкованием «военная хитрость, обман врага». Изредка оно встречается также в научных работах; например, у Шопенгауэра в «Эристической диалектике» перечисляется 36 риторических стратагем, или приемов. Но в повседневной речи, в общепринятом научном словаре, в беллетристике и языке средств массовой информации слово «стратагема» практически отсутствует.

Совершенно иначе обстоит дело в Китае. И в произведениях древнекитайской литературы, относящихся к периоду «Весны и Осени» (VIII–IV вв. до н. э.) или к периоду «Сражающихся царств» (V–III вв. до н. э.)¹⁰¹, и в современной ки-

¹⁰¹ Термин «Весна и Осень» (по-китайски «Чунь-цю») употребляется в двух значениях. Во-первых, так названа пятая книга конфуцианского пятикнижия,

тайской литературе и периодике, и в докладах Мао Цзэдуна
взгляд то и дело останавливается на иероглифах:

着

современное чтение – *чжао*

謀

современное чтение – *моу*

笑

современное чтение – *цэ*

и в особенности

содержащая летопись княжества Лу; во-вторых, такое название носит исторический период 722–481 гг. до н. э. В те времена страна распалась на множество самостоятельных владений, а власть правившей династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.) была лишь номинальной. Однако постепенно к периоду «Сражающихся царств» («Чжаньго»), который охватывал 403–221 гг. до н. э., главными на исторической арене остались семь царств: Чу, Цинь, Чжао, Ци, Вэй, Янь и Хань. Исторические хроники этого периода носят название «Чжаньго цэ» – «Планы «Сражающихся царств». Но иероглиф «цэ» имеет значение и «план», и «стратегия». Поэтому речь идет о дипломатических и военных стратегемах, использовавшихся в тот период в борьбе между древнекитайскими царствами. Именно это содержание источника и раскрывалось исследователями (см.: Васильев К. В. Планы Сражающихся царств. М., 1968; Crump J. I., Jr. Intrigues. Studies of the Chan-kuo Ts'e. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 1964. Дж. Крамп сделал и полный перевод этой хроники, см.: Chan-kuo Ts'e. Translated by J. I. Crump, Jr. Clarendon Press, Oxford, 1970).

современное чтение – *цзи*

Истолкуем, например, иероглиф

Он состоит из двух частей:

современное чтение – *янь* «считать»¹⁰²

современное чтение – *ши* «десять»

и, таким образом, обозначает «считать до десяти», или вообще «считать, учитывать, рассчитывать», а как существительное – «расчет, план». В зависимости от контекста китайские иероглифы могут выступать в различных значениях. Это касается и слова «цзи», и других, приведенных выше. Нас в них интересуют выступающие в определенных типах текстов два значения: 1) военная хитрость и 2) хитрость, уловка в политической и частной жизни.

Именно этим двум значениям и соответствует в запад-

¹⁰² Основное значение иероглифа янь – «речь», «слово». Значения «считать» не дают ни китайские, ни европейские словари (В. М.).

ных языках слово «стратагема». Так, в вышедших в Пекине в 1970 и 1978 гг. китайско-английских словарях объ-

三十六計

емом 20 тыс. слов выражение («сань-шилю цзи»), используемое в основном в текстах политической и военной тематики, переводится как «36 стратагем». Я предпочитаю слово «стратагема» слову «хитрость», поскольку у слова «стратагема» отсутствует свойственный слову «хитрость» отрицательный оттенок значения. «Хитрость» (нем. List), как указано в «Этимологическом словаре немецкого языка» Ф. Клюге, производится от германского list – «знать», которое древнее других слов, обозначающих знание. Оно относилось к области воинского искусства (военные хитрости), кузнечного ремесла и культово-магической деятельности, которая христианством была запрещена как колдовская. С этих пор слово list употребляется с оттенком осуждения, а вновь возникающий мир идей обращается к «искусству» (Kunst), «мудрости» (Weisheit), «науке» (Wissenschaft). Приведенные выше китайские иероглифы – как и слово List («хитрость») в древние времена – употребляются вполне нейтрально, а то и в положительном смысле. Отметим, что китайский иероглиф с чтением «чжи», который переводится в большинстве западных словарей как «мудрость», «знание» и под., в китайских текстах – как в древних, так и в новых – употребляется в основном в значении «хитрость» или же – нейтрально – «стратагема».

Тридцать шесть стратагем почтенного господина Тана

Первую ссылку на «Тридцать шесть стратагем» находим в «Истории династии Южная Ци» («Нань Ци шу»). Династия Южная Ци правила в 479–502 гг. История династии Южная Ци была составлена Сяо Цзысяне (489–537). Эта хроника содержит биографию государственного деятеля Ван Цзинцзэ. Герой биографии однажды упоминает «тридцать шесть стратагем (саньшилю цэ) почтенного господина Тана».

Под «господином Таном» подразумевается знаменитый военачальник Тан Даоцзи (до 436 до н. э.), состоявший на службе династии Южная Сун (420–479). «Жизнеописание Тан Даоцзи» содержится в XV томе «Истории южных династий» («Нань ши»). Там присутствует следующий эпизод:

«Во главе войска Тан Даоцзи двинулся на север и пробился к реке Ци. Он окружил большие силы государства Вэй и взял Хуатай. Больше тридцати сражений дал он войску Вэй и большинство их выиграл. Когда его войско достигло Личэна, прекратился подвоз продовольствия, и он повернул назад. От перебежчиков врагу стало известно о нехватке провианта в сунской армии и о происходящем от этого недовольстве и упадке боевого духа. Тогда однажды ночью Тан Даоцзи приказал своим воинам взвешивать песок, громко

выкрикивать получившийся вес, а потом просыпать вокруг немногий еще оставшийся у них рис. На рассвете войска Вэй поверили, что у армии Тан Даоцзи еще достаточно запасов риса, и прекратили преследование. Перебежчиков они сочли лжецами и отрубили им головы. Но среди войск Тан Даоцзи, которые были значительно малочисленнее вражеских, а теперь были совершенно изнурены, разразилась паника. Тогда Тан Даоцзи приказал воинам надеть вооружение. Сам он на боевой колеснице медленно объехал свой лагерь. Когда войска Вэй увидели это, они испугались засады, не решились приближаться и отступили. Хотя Тан Даоцзи не удалось завладеть областью Желтой реки, он привел на родину войско целым и невредимым. Оттого повсюду разошлась слава о его героизме, и государство Вэй трепетало перед ним».

Эта история показывает, как благодаря использованию различных стратагем Тан Даоцзи удалось уберечь войско от уничтожения. Но был ли в его распоряжении набор из 36 стратагем – об этом полуторатысячелетняя «История династии Южная Ци» умалчивает. Да и вряд ли имелись в виду какие-то конкретные 36 стратагем: китайцы с древних пор питают слабость к численным метафорам, в частности с числом 36, и не всегда используют числительные в буквальном смысле, так что Ван Цзинцзэ вполне мог подразумевать просто «многочисленные стратагемы» – как в современном французском разговорном языке выражение *trente-six* (36)

означает неопределенно большое число.

Число 36 в словосочетании «36 стратагем» старейшего дошедшего до нас трактата о стратагемах (о котором подробнее см. ниже) обосновывается ссылкой на «И цзин» («Книгу перемен»)¹⁰³ – гадательную книгу, основное содержание которой может быть датировано X–VIII вв. до н. э. Главная идея «Книги перемен», этого одного из известнейших древнекитайских сочинений, согласно древнейшему (середина I тысячелетия до н. э.) комментарию, – дуализм Инь и Ян, двух противоположных сил, из которых Ян представляет (в частности) солнечную сторону, а Инь – тeneвую. Но Инь означает также «хитрость», и по «Книге перемен» ее число – 6. Исходя из этого, число 36 является квадратом элементов Инь и, таким образом, вызывает представление о великом множестве хитростей.

В «Книге перемен» нет, однако, списка 36 стратагем, хотя определенные «стратагемные» типы поведения намеча-

¹⁰³ «И цзин» (другое название «Чжоу и») – «Книга перемен», или «Канон перемен» – замечательный памятник древнекитайской философской и религиозной мысли. В духовной жизни восточноазиатского цивилизационного комплекса «И цзин» играл особую роль, сравнимую лишь со значением Библии для христианской культуры. Выдающийся вклад в перевод и изучение «И цзина» был сделан петербургским востоковедом Ю. К. Щуцким (1897–1938), трагически погибшим в годы необоснованных репрессий. В 1960 г. труд Ю. К. Щуцкого удалось издать небольшим тиражом под редакцией Н. И. Конрада. В 1993 г. вышло новое издание труда Ю. К. Щуцкого (см.: Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен», 2-е изд., исправленное и дополненное. Под ред. А. И. Кобзева. М., 1993).

ются. Нет этого списка и в цитированной выше «Истории династии Южная Ци» или в любой другой из 24 историй китайских династий. До последнего времени считалось, что впервые 36 стратагем были сведены в хитроумной таблице, известной под названием «Хунмынь чжэсюэ» («Философия Хунмынь»), принадлежащей тайному обществу Хунмынь, основанному около 1674 г. Общество Хунмынь преследовало цель освобождения из-под власти чужеземной маньчжурской династии (1644–1911) и восстановления коренной династии Мин (1368–1644). Составленный им список 36 стратагем может рассматриваться как прообраз бытующих ныне версий 36 стратагем. Но в 1941 г. был обнаружен более ранний источник – «Трактат о 36 стратагемах», относимый к концу династии Мин.

Тысячелетняя кристаллизация

Толковавшееся выше слово «цзи», которое мы будем здесь переводить как «стратагема», в этом значении фигурирует уже в древнейшем в мире руководстве по военному делу – в трактате о воинском искусстве Сунь У (Сунь-цзы)¹⁰⁴, современника Конфуция (551–479 до н. э.), непосредственно в заголовке первой главы. В этой главе воинское искусство определяется как искусство введения в заблуждение. В третьей главе, название которой английский синолог Л. Джайлс переводит как «Attack by Stratagem» («Нападение посредством стратагемы»), провозглашается: «Лучше всего победить вражеское войско, не применяя оружия».

Для Сунь-цзы победа в битве стоит лишь на третьей ступени по шкале воинского искусства. Второе место он отдаст победе дипломатическими средствами, а первое – победе с помощью стратагемы. Насколько большое место уделяет Сунь-цзы военной хитрости как косвенному стратегическому методу, показал А. А. Штахель в своем докладе «Клаузе-

¹⁰⁴ «Трактат о военном искусстве» долгое время считался произведением древнекитайского полководца Сунь У, который жил в царстве У в период «Весны и Осени». В настоящее время ряд исследователей считают, что авторство трактата принадлежит другому выдающемуся стратегу Древнего Китая, полководцу Сунь Биню. Сунь Бинь в период «Сражающихся царств» находился на службе в царстве Ци (см.: Древнекитайская философия. Собр. текстов: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 201).

витц и Сунь-цзы: две стратегии».

Трактат Сунь-цзы, внимание к которому привлек Ли Шиюнь в работе «Сунь-цзы бинфа юй цзе гуаньли» (Воинское искусство Сунь-цзы и руководство производством. Нанкин, 1984), вошел в число 20 книг, представляющих китайскую культуру, по «Шэкэ синь шуму» (Каталог новых изданий по общественным наукам. Пекин, 1985. № 139. 30 августа). Из созданных до нашей эры произведений в тот же список входят «Хань Фэй-цзы»¹⁰⁵, «Исторические записки» Сыма Цяня¹⁰⁶ и далее роман «Сон в Красном тереме» (XVIII в.)¹⁰⁷. Таким образом, в Китае стратагемы с древнейших времен

¹⁰⁵ «Хань Фэй-цзы» – философский трактат, излагающий идеи одного из крупнейших теоретиков школы «фа-цзя» – законников, или «легистов», – Хань Фэя (ум. 233 до н. э.). Хань Фэй придерживался взглядов, отражавших стремление к созданию сильной централизованной государственной власти (см.: Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973. С. 224–283).

¹⁰⁶ Сыма Цянь (145–86/74) – выдающийся историк Древнего Китая, «китайский Геродот», автор «Ши-цзи» – «Исторических записок», огромной хроники политической жизни Древнего Китая. В настоящее время предпринимается полное русское издание этого труда, который выходит в свет в переводе, под редакцией и со вступительной статьей и комментариями Р. В. Вяткина (см.: Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. М., 1972; т. 2. М., 1975; т. 3. М., 1984; т. 4. М., 1986; т. 5. М., 1987; т. 6. М., 1993).

¹⁰⁷ «Сон в Красном тереме» – роман Цао Сюэциня (1719–1763). «...Если вы хотите познакомиться с китайской жизнью, до сих пор замкнутой для нас в высших сферах, то только и можете получить сведения из этого романа», – писал знаменитый китаевед XIX в. академик В. П. Васильев (Васильев В. П. Очерк китайской литературы. СПб., 1880. С. 159). Имеется современный перевод романа на русский язык (см.: Цао Сюэцинь. Сон в Красном тереме / Пер. В. Панасюка. М., 1958).

играют важную роль. В течение столетий вновь и вновь возникали идиоматические выражения, образные, метафорические обороты речи для стратагем различного рода. Эти обороты оттачивались народным сознанием и создавались авторами сочинений по военной теории, философии, истории и литературе. Под «стратагемными» метафорами скрываются выражения, относящиеся к историческим событиям, отстоящим от нас на 2000 лет, и к народным преданиям, повествующим об обстоятельствах, в которых применялась та или иная стратагема. И собрание 36 стратагем с лингвистической точки зрения представляет собой список из 36 речевых оборотов.

Полный список 36 стратагем состоит всего из 138 китайских иероглифов. 138 поделить на 36 будет 4, итак, лишь по 4 иероглифа на каждую стратагему. Таким образом, языковой материал для отдельной стратагемы весьма ограничен. Зато эта языковая скупость представляет большое место для многообразных изложений и толкований. Да, изложения и толкования здесь необходимы. Потому что прямое значение стратагемы, данное в обособленных метафорах, без разъяснения и примера, осталось бы непонятным.

До последнего времени собрание 36 стратагем в целом оставалось в Китае в некотором роде тайным знанием. Отсюда, однако, не следует, что большинство китайцев не было знакомо с отдельными оборотами из этого списка с малых лет. Большую популярность стратагем следует возво-

дить прежде всего к китайской народной литературе. Известные практически каждому китайцу классические новеллы часто представляют собой истории о стратагемах. Первое место тут занимает исторический роман «Сань го янь-и» («Троецарствие»). К нему можно относиться как к учебнику стратагем. В нем описывается масса военных хитростей и даются все подробности их планирования и выполнения. Правду говорит старая китайская пословица: «Кто прочитал повесть о трех царствах, тот умеет применять стратагемы». К тому же и современные средства массовой информации продолжают заботиться о том, чтобы стратагемы не пришли в забвение, вставляют их во внутривосточные репортажи и комментарии к антинародным действиям определенных функционеров или во внешнеполитический анализ событий, осуждаемых Китаем. Популяризации 36 стратагем служат даже комиксы. Так, в 1981 г. в провинции Цзилинь разошлось издание 6-серийного комикса под заглавием «36 стратагем» в 1 140 930 экземпляров, а в 1982 г. в Гуанси вышло 400 000 экземпляров 12-серийного комикса «Собрание 36 стратагем о воинском искусстве». Очевидно, в наши дни 36 стратагем известны каждому школьнику. Так, в первом томе «Чжунсюэшэн байкэ чжиши жи ду» (Ежедневное энциклопедическое чтение для учеников средней школы. Пекин, 1983) на 24 января указан список 36 стратагем.

Расцвет китайской литературы о стратагемах

Область значения «цзи» простирается от ничтожной уловки или совершенно спонтанного сиюминутного действия до целой запланированной системы поведения:

в затруднительной, исключаящей прямой образ действий ситуации, причем контрагент «проводится» – в широком смысле слова —

в положение, в котором он не ориентируется, инсценированное противной стороной и часто воздействующее своей театральностью или же возникшее независимо от противной стороны;

с определенной целью, которую лицо, использующее стратагему, воспринимает как хорошую, а контрагент – не обязательно как плохую.

Стратагемы могут относиться к различным категориям, как то:

- камуфлирование (чем-то правдоподобным);
- введение в заблуждение (чем-то ложным);
- захват добычи;
- блокада;
- получение преимущества;
- соблазнение и

бегство.

Кроме того, имеются стратагеми различной степени утонченности, обман на словах и в действиях, специальные военные хитрости и уловки, которые с тем же успехом можно применять в политической и частной жизни.

По своей глубинной концепции стратагеми выводятся из древнего китайского представления (впервые письменно зафиксированного в «Книге перемен») о взаимодействии между двумя противоположными космогоническими принципами, теневым Инь и солнечным Ян. В особенности это представление выражается в упоминавшейся уже игре Видимого, находящегося на свету, и Невидимого, проводимых втайне планов и мероприятий. Отдельные китайские стратагеми пронизывает даосская концепция недеяния – у вэй; эти стратагеми частично принадлежат к духовным достижениям «легистов», наиболее выдающимся представителем которых является Хань Фэй (ум. 233 до н. э.), в особенности к «технике власти» (шу), которую «легисты» помещали в сердце властителя рядом с «законным правом» (фа) и сохранением «положения» (ши). Множество примеров применения стратагем проникнуты идущим от «легистов» духом государственной мудрости с его приоритетом государственных интересов над конфуцианскими этическими нормами.

В последние годы в китайскоязычном мире, то есть в КНР, Гонконге, на Тайване, вышло много монографий о 36 стратагемах.

В 1962 г. Архив политического института Китайской Народно-освободительной армии опубликовал без комментариев трактат неизвестного происхождения о 36 стратагемах. Этот трактат был случайно найден на мостовой в 1941 г. неким Шу Хэ в главном городе провинции Сычуань Чэнду. Он был выпущен чэндуской типографией «Синьхуа», на титульном листе большими иероглифами стоит надпись «36 стратагем» и ниже мелким шрифтом: «Тайная книга воинского искусства». Книжечка, напечатанная на бумаге ручного изготовления, привлекла к себе внимание. Затем выяснилось, что это издание рукописи, которая тогда же, в 1941 г., была обнаружена в книжной лавке в Биньчжоу, провинция Шаньси.

Обретенный в 1941 г. Шу Хэ экземпляр «Трактата о 36 стратагемах» содержит короткое введение и заключение. Главная часть состоит из 36 главок.

Они озаглавлены как:

ди-и цзив («Первая стратагема»);

диэр цзи («Вторая стратагема»)

и так далее, до тридцать шестой стратагемы.

После этого заглавия в каждой из 36 главок идет состоящее из трех-четырех иероглифов обозначение стратагемы, затем следует весьма абстрактный, часто со ссылками на «Книгу перемен», комментарий. Заключает каждую главку разъяснение стратагемы. Здесь приводятся примеры, почти исключительно из китайской истории, конкретных примене-

ний каждой стратагемы.

Когда в Китае начала развиваться политика открытости, обнаруженный в 1941 г. трактат вышел в 1979 г. в провинции Цзилинь (иллюстрированное переиздание – март 1987 г.). В этом издании дан оригинал трактата на классическом китайском, перевод его на современный китайский язык и комментарий. Предисловие цзилиньского издания содержит также некоторые предположения о происхождении трактата. Многочисленные отсылки на «Книгу перемен» могут указывать на то, что составитель трактата находился под влиянием Чжао Бэньсюэ или кого-то из его учеников. Чжао Бэньсюэ (1465–1557), военный теоретик эпохи Мин (1368–1644), впервые систематизировал положения военного дела на основе «Книги перемен», проведя основную идею «Книги перемен» о постоянном взаимодействии Инь и Ян в диалектику военных действий и выявив противоположности типа:

казаться и быть;
большинство и меньшинство;
сила и слабость;
лобовая атака и засада;
необычное и общепринятое;
продвижение вперед и отход.

Похоже, что обнаруженный в 1941 г. трактат является более ранним, чем список 36 стратагем тайного общества Хунмынь, а именно относится к концу минского – началу цинского времени (XVI–XVII вв.). Следующую монографию о

36 стратагемах выпустило в 1981 г. пекинское Военное издательство («Чжаньши чубаньшэ») под заглавием «36 стратагем в современной обработке». В основе этой книги лежит все тот же старый «Трактат о 36 стратагемах», но, кроме того, приводятся также примеры применения стратагем в новые и новейшие времена, и к тому же не только в Китае. В марте 1991 г. вышло девятое издание этой книги (более 1,5 млн экземпляров). На Тайване в 1982 г. вышла монография «Тайная книга 36 стратагем с комментариями», основанная на цзилинском издании 1979 г. 19 изданий за 9 лет (1976–1985) выдержала в Тайбэе брошюра «Хитрость в сражении» с подзаголовком «36 стратагем». По содержанию она вплоть до предисловия аналогична появившейся в 1969 г. на гонконгском рынке книге «36 стратагем с примерами из древнего и нового времени».

В сентябре 1987 г. мне удалось купить в Сеуле три корейские и в Токио пять японских работ о 36 стратагемах. Самая старая из японских публикаций датировалась 1981 г. Никакие публикации на эту тему в США и Западной Европе мне не известны.

Моя статья о 36 стратагемах, появившаяся во «Frankfurter Allgemeinen Zeitung» 14 января 1977 г., возбудила немалый международный интерес, прежде всего, насколько мне известно, в Советском Союзе. На 27-м европейском синологическом конгрессе в Цюрихе (1981) профессором В. А. Кривцовым из советской Академии наук был сделан доклад о

стратегемах в китайской политике. Этот доклад, резко раскритикованный делегатом из КНР, не был опубликован в материалах конференции. Материалами и стимулами к написанию данной книги я обязан изданиям на китайском языке из КНР, Тайваня и Гонконга.

Мир стратегаем

При сравнении китайских изданий возникает впечатление, что в КНР на первый план выводится внешнеполитический и военный аспекты 36 стратегем. В предисловии к пекинскому изданию книги «36 стратегем в современной обработке» говорится:

«Эта публикация обусловлена потребностью знать и применять стратегемы в военном противостоянии. Рядом с марксистской военной теорией это историческое достижение должно занять подобающее место и послужить основой для развития современного военного искусства стратегем».

И далее:

«Древняя китайская пословица говорит: на войне не следует пренебрегать хитростью. Теория стратегем составляет важную часть военной теории. Когда командир берет инициативу в свои руки, многое зависит от того, сможет ли он внезапно поставить мат противнику, то есть сумеет ли он победить противника благодаря искусно примененным стратегемам. Это позволит ему сделать плохое положение хорошим и с малым числом войска победить превосходящие силы противника. И возможно, ему удастся поставить противника на колени, вообще не прибегая к военным действиям. Поскольку лежащие в основе военного

искусства стратагем принципы имеют в высшей степени общую природу, они обладают большой жизненной силой в качестве общих оснований военной стратегии и тактики. В этом качестве 36 стратагем тысячи раз были испытаны и остаются применимыми до сих пор. Благодаря развитию науки и техники возникли новые средства применения стратагем и стратагемы наполнились новым содержанием, но основное содержание стратагем остается стабильным. Поэтому руководящая роль стратагемного планирования и для ведения современной войны остается более важной, чем общие принципы военной стратегии и тактики».

В цзилиньском издании 1979–1987 гг. в предисловии также подчеркивается военный характер стратагем:

«Трактат о 36 стратагемах» принадлежит к области так называемого военного дела. Это энциклопедия тех приемов, которые военные теоретики, начиная с Сунь-цзы (VI–V вв. до н. э.), обозначали как Гун Дао [«Путь введения противника в заблуждение»]».

В китайской литературе появлялись также и критические замечания в адрес 36 стратагем, как, например, в цзилиньском издании 1979–1987 гг:

«Наблюдается в 36 стратагемах также загнивание реакционно-феодальных отбросов, а именно в тех стратагемах, которые нацелены на завоевание военной добычи. Здесь необходим критический подход».

Тайбэйские и прежде всего гонконгские публикации, на-

против, обращают внимание прежде всего на возможность употребления стратагем в частной жизни. Так, в предисловии к 19-му изданию книги «Хитрость в бою – 36 стратагем» (Тайбэй, 1985) подчеркивается:

«Стратагемы подобны невидимым ножам, которые спрятаны в человеческом мозгу и сверкают, только когда их вздумаешь применить. Применяют их военные, но также и политики, и купцы, и ученые. Тот, кто умеет применять стратагемы, может мгновенно превратить в хаос упорядоченный мир или упорядочить хаотический мир, может вызвать гром среди ясного неба, превратить бедность в богатство, презрение в почтение и безнадежную ситуацию в выигрышную. Человеческая жизнь – это борьба, а в борьбе нужны стратагемы. Каждый человек стоит на линии фронта. Краткий миг рассеянности – и вот уже что-то, принадлежащее одному человеку, досталось в добычу другому. Но тот, кто умеет применять стратагемы, всегда удержит инициативу в своих руках. Во дворце или в хижине, но стратагема пригодится всегда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.